

Браво, или В Венеции

Автор:

Джеймс Фенимор Купер

Браво, или В Венеции

Джеймс Фенимор Купер

Джеймс Фенимор Купер. Собрание сочинений #9

Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) – американский писатель, чьи произведения еще при жизни автора завоевали огромную популярность как в США, так и в Европе. В его книгах рассказывается о героизме отважных покорителей Дикого Запада, осваивающих девственную природу Америки, о трагической судьбе коренных жителей континента – индейцах, гибнущих под натиском наступающей на них цивилизации.

В данном томе представлен роман «Браво» (1831), относящийся к циклу «европейских» романов Купера, в котором он описывает жизнь Венеции на рубеже XVI–XVII вв. Это произведение, полное протеста против деспотизма несправедливой власти. В центре романа трагическая судьба гондоьера Якопо Фронтони – честного человека, запутавшегося в хитросплетениях политики и личных интересов и в результате попавшего в коварные сети инквизиции.

Джеймс Фенимор Купер

Браво, или В Венеции

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2009

* * *

Giustizia in palazzo,

E pane in piazza![1 - Правосудия во дворце, хлеба на площади! (ит.)]

Глава I

Венеция. Мост Вздохов. Я стоял:

Дворец налево и тюрьма направо;

Из вод как будто некий маг воззвал

Громады зданий, вставших величаво.

С улыбкой умирающая Слава,

Паря на крыльях десяти веков,

Глядела вспять, где властная держава

С крылатым львом над мрамором столпов

Престол воздвигла свой на сотне островов[2 - Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда Песнь IV / Перевод Г. Шенгели.].

Байрон

Солнце скрылось за вершинами тирольских Альп, и над низким песчаным беретом Лидо уже взошла луна. В этот час людские толпы устремились по узким улочкам Венеции к площади Святого Марка – так вода, вырвавшись из тесных каналов, вливается в просторный волнующийся залив. Нарядные кавалеры и степенные горожане; солдаты Далмации и матросы с галер; знатные дамы и простолюдинки; ювелиры Риальто и купцы с Ближнего Востока; евреи, турки и христиане; путешественники и искатели приключений; господа и слуги;

судейские и гондольеры – всех безудержно влекло к этому центру всеобщего веселья. Сосредоточенная деловитость на лицах одних и беззаботность других; размеренная поступь и завистливый взгляд; шутки и смех; пение уличной певицы и звуки флейты; кривлянье шута и трагически хмурый взгляд импровизатора; нагромождение всяческих нелепостей и вымученная, грустная улыбка арфиста; выкрики продавцов воды, капюшоны монахов, султаны воинов; гул голосов, движение, суматоха – все это в сочетании с древней и причудливой архитектурой площади создавало незабываемую картину, пожалуй самую замечательную во всем христианском мире.

Расположенная на рубеже Западной и Восточной Европы и постоянно связанная с ними, Венеция отличалась бо?льшим смешением характеров и костюмов, чем какой-либо другой из многочисленных портов этого побережья. Особенность эту можно наблюдать и по сей день, несмотря на то что Венеция сейчас уже не та, что прежде, хотя в те времена, о которых мы рассказываем, столица на островах, не будучи уже великой повелительницей Средиземного и даже Адриатического морей, все же была еще богата и могущественна. Ее влияние еще сказывалось на политике всех стран цивилизованного мира, ее торговля, хотя и слабеющая, все же была еще в силах поддерживать благосостояние тех семей, родоначальники которых разбогатели в дни процветания Венеции. Но людей на островах охватывало все большее безучастие, безразличие к своему будущему, а это служит первым признаком упадка, морального или физического.

В названный нами час огромный прямоугольник площади быстро наполнялся, и уже шумели подгулявшие компании во всех кафе и казино, расположенных под портиками, которые с трех сторон окружали площадь. Под сверкающими аркадами, озаренными неровным, зыбким светом факелов, уже царило беспечное веселье; и только громада Дворца дождей, древнейшая христианская церковь, триумфальные мачты Большой площади, гранитные колоннады Пьяцетты, головокружительная высота кампаниллы и величавый ряд сооружений, называемых Прокурациями, казалось, дремали в мягком свете луны, бесстрастные и холодные.

Фасадом к площади, замыкая ее, возвышался неповторимый, освященный веками собор Святого Марка. Храм-трофей, он вознесся над архитектурой площади, точно памятник долголетию и мощи республики, прославляя доблесть и благочестие своих основателей. Мавританская архитектура, ряды красивых, но ничего не несущих, декоративных колонн, которые только отягощали фасад

собора, низкие, азиатские купола, уже сотни лет венчавшие его стены, грубая, кричащая мозаика, а над всем этим безумным великолепием – кони, вывезенные из Коринфа, как бы стремящиеся оторваться от серой громады и прославить здесь, в Венеции, прекрасное греческое искусство, – все это в неясном освещении луны и факелов казалось таинственным и грустным, как олицетворенное напоминание о прошлом, о редчайших реликвиях древности и былых завоеваниях республики.

Все на площади было под стать ее владыке – храму. Основание колокольни – кампаниллы – скрывалось в тени, но вершина ее, на сотни футов вознесенная над площадью, была залита с восточного фасада задумчивым светом луны. Мачты, несущие знамена заморских владений – Кандии, Константинополя и Мореи, – рассекали пространство на темные и сверкающие полосы, а в глубине малой площади – Пьяцетты – у самого моря ясно вырисовывались в ночном прозрачном небе силуэты крылатого льва и святого Марка – покровителя этого города, установленных на колоннах из африканского гранита.

У подножия одной из этих массивных каменных громад стоял человек, который, казалось, со скучающим равнодушием взирал на оживленную и потрясающую своей красотой площадь, заполненную людьми. Разноликая толпа бурлила на набережной Пьяцетты, направляясь к главной площади; одни скрывались под масками, другие ничуть не заботились о том, что их могут узнать. А этот человек стоял без движения, словно не в силах был даже повернуть головы или хотя бы переступить с ноги на ногу. Его поза выражала терпеливое и покорное ожидание, привычку исполнять прихоти других. Со скрещенными на груди руками, прислонясь плечом к колонне, он с безучастным, но добродушным видом поглядывал на толпы людей и, казалось, ждал чьего-то властного знака, чтобы покинуть свой пост. Шелковый камзол, тонкая ткань которого переливалась цветами самых веселых тонов, мягкий алый воротничок, яркая бархатная шапочка с вышитым на ней родовым гербом обличали в нем гондольера знатной особы.

Наконец ему наскучило смотреть на гримасы и кривляния акробатов, на пирамиду из человеческих тел, которая на время приковала его внимание, и он отвернулся, заглядевшись на освещенный луной водный простор. Вдруг лицо его осветилось радостью, и минуту спустя он тряс в крепком пожатии руки смуглого моряка в просторной одежде и фригийском колпаке, какие носили тогда люди его звания.

Гондольер заговорил первым. Слова, которые лились потоком, он произносил с мягким акцентом, характерным для островитян:

– Ты ли это, Стефано! Мне ведь сказали, что ты попал в лапы этих дьяволов, варваров, и сажаешь теперь цветы для одного из этих нехристей и слезами своими поливаешь их.

– «Прекрасная соррентинка» – не экономка священника! – ответил моряк; он говорил на более жестком калабрийском наречии, с грубоватой фамильярностью бывалого морехода. – И не девица, к которой украдкой подбирается тунисский корсар, пока она отдыхает в саду. Побывай ты хоть раз по ту сторону Лидо, ты бы понял, что гнаться за фелуккой – не значит еще поймать ее!

– Так преклони же скорее колени, друг Стефано, и отблагодари святого Теодора за спасение. В тот час, я думаю, все только и делали, что молились на борту твоего судна, зато уж, когда твоя фелукка благополучно пришвартовалась к берегу, таких храбрецов, как твои ребята, не сыскать было даже среди жителей Калабрии!

Моряк бросил полунасмешливый, полусерьезный взгляд на изваяние святого, прежде чем ответить:

– Нам большегодились бы крылья этого льва, чем покровительство твоего святого. Я никогда не хожу за помощью на север дальше Святого Януария, даже если налетит ураган.

– Тем хуже для тебя, дорогой, потому что епископу легче остановить извержение вулкана, чем успокоить морские ветры. Так что же, была опасность потерять фелукку и ее храбрецов у турков?

– Да, был там один тунисец[3 - Тунис в то время находился под властью Турции.], который подкарауливал добычу между Стромболи и Сицилией, но не тут-то было! Он бы скорее догнал облако над вулканом, чем фелукку во время сирокко[4 - Сирокко – жаркий, сухой и сильный ветер, дующий с юго-востока и юго-запада преимущественно на Средиземном море, в Сицилии и Италии.].!

– А ты, видно, струсил, Стефано?

– Я-то? Да я ничуть не трусливее, чем твой крылатый лев, только что без цепей и намордника.

– Это и видно было по тому, как удирала твоя фелукка.

– Черт побери! Я очень жалел во время погони, что я не рыцарь ордена святого Джованни, а «Прекрасная соррентинка» – не мальтийская галера, хотя бы ради поддержания чести христианина. Но ведь негодяй висел на моей корме чуть ли не три склянки, он был так близко, что я различал даже, у кого из его нехристей грязная чалма, а у кого чистая. Отвратительное это зрелище для христианина, Стефано, видеть, как какой-то неверный берет над тобой верх.

– А не горели у тебя пятки при мысли о бастинадо[5 - Бастинадо – палочные удары по пяткам.], дружище?

– Я слишком часто бегал босиком в горах Калабрии, чтобы бояться этих пустяков.

– У каждого есть свои слабости, и я знаю, что твоя – страх перед палкой в руке турка. Твои родные горы и то местами твердые, а местами рыхлые; тунисец же, говорят, всегда выбирает такую же жесткую палку, как его сердце, когда хочет позабавиться воплями христианина.

– Ну что ж! И счастливейший из нас не в силах избежать своей судьбы. Если мои пятки хоть когда-нибудь отведают удары палок, священник потеряет одного кающегося грешника: я сговорился с добрым служителем церкви, что все подобные беды, если они со мной произойдут, зачтутся мне за покаяние... Ну а что нового в Венеции? И как твои дела на каналах в этом сезоне? Не вянут цветы на твоём камзоле?

– В Венеции, друг мой, все по-старому. Изо дня в день я вожу гондолу от Риальто до Джудекки, от Святого Георгия до Святого Марка, от Святого Марка до Лидо, а от Лидо домой. Здесь ведь не встретишь по пути тунисцев, при виде которых холодеет сердце и горят пятки.

– Ладно, хватит дурачиться! Ты лучше скажи, что за это время взволновало республику? Не утонул ли кто из молодых дворян? А может быть, повесили какого-нибудь ростовщика?

– Ничего такого не было, разве что беда, приключившаяся с Пьетро... Ты помнишь Пьетрило? Он как-то ходил с тобой в Далмацию запасным матросом; его еще подозревали в том, что он помогал молодому французу похитить дочку сенатора.

– Мне ли не помнить, какой тогда был голод! Мошенник в дороге только и делал, что ел макароны да поглощал лакрима-кристи[6 - Лакрима-кристи – сорт виноградного вина.] – груз графа из Далмации.

– Бедняга! Его гондолу потопил какой-то анконец, раздавил, словно сенатор муху.

– Так и надо мелкой рыбешке, заплывшей в глубокие воды.

– Малый пересекал Джудекку с иностранцем на борту, когда бриг ударил гондолу и раздавил ее, как пузырь, оставшийся за кормой «Буцентавра». По счастью, иностранец, видимо, успел помолиться в церкви Реденторе.

– А благородный капитан не стал жаловаться на неповоротливость Пьетро, потому что Пьетро и без того наказал сам себя?

– Пресвятая Богородица! Да не уйди он тогда в море, кормить бы ему рыб в лагунах! В Венеции нет ни одного гондольера, чье сердце не сжималось бы от обиды! Все мы не хуже своих хозяев знаем, как отомстить за оскорбление.

– Гондола так же не вечна, как и фелукка, и для каждого корабля наступает свой час. И все-таки лучше быть раздавленным бригом, чем попасть в лапы к туркам... Ну а как твой молодой хозяин, Джино? Похоже ли, что он добьется того, о чем хлопочет в сенате?

– По утрам он охлаждает свой пыл в Джудекке, а если ты хочешь знать, что он делает по вечерам, поищи его на Бролио среди гуляющих господ.

Говоря это, гондольер покосился на группу патрициев, прогуливавшихся под мрачными аркадами Дворца дождей, по тем священным местам, куда имеют доступ только привилегированные.

– Я знаком с обычаем венецианских богатеев приходить под эти своды в этот час, но я никогда раньше не слышал, что они предпочитают принимать ванну в водах Джудекки.

– Да ведь случись дождю вывалиться из своей гондолы, ему тоже пришлось бы тонуть или плыть, как любому обыкновенному христианину.

– О воды Адриатики!.. А молодой герцог тоже ехал молиться в Реденторе?

– Он в тот день как раз возвращался после... Но не все ли равно, на каком канале вздыхает ночью молодой дворянин? Мы случайно оказались рядом, когда анконец совершил свой подвиг: пока мы с Джорджио кляли на чем свет стоит неуклюжего иностранца, мой хозяин – а он вообще-то не очень любит гондолы и совсем не разбирается в них – прыгнул в воду, чтобы спасти молодую синьору от участи ее дяди.

– Дьявол! Ты до сих пор и слова не сказал про молодую синьору или смерть ее дяди!

– Твои мысли были заняты тунисцем, ты и пропустил это мимо ушей. Я, должно быть, рассказал тебе, как чуть не погибла прекрасная синьорина и как капитан брига отягчил свою совесть еще и гибелью римского маркиза.

– Бог ты мой! Неужели этот христианин должен был умереть собачьей смертью из-за беззаботности гондольера!

– Может, все это и к счастью для анконца, потому что говорят, будто маркиз этот обладал достаточной властью, чтобы заставить даже сенатора пройти по мосту Вздохов, если бы ему захотелось.

– Черт бы побрал всех беззаботных лодочников! А что случилось с этим плутом?

– Я же говорю тебе, он уплыл за Лидо в тот самый час, а иначе...

– А Пьетрило?

– Его вытащил своим веслом Джорджио, так как мы оба принялись спасать подушки и другие ценности.

– А ты ничем уже не мог помочь бедному римлянину? Из-за его смерти несчастье будет теперь преследовать бриг анконца.

– Так и будет, пока бриг не врежется в какую-нибудь скалу, которая окажется тверже сердца его капитана. А что касается иностранца, то мы могли только помолиться святому Теодору, потому что он так и не появился на поверхности после столкновения и сразу же пошел ко дну... Ну а что привело тебя в Венецию, мой милый? Ведь неудача с апельсинами в твою последнюю поездку, кажется, заставила тебя отказаться от этих мест?

Калабриец оттянул пальцем кожу на щеке, отчего его черный лукавый глаз глянул насмешливо, и все его красивое лицо заискрилось грубоватым юмором.

– Скажи-ка мне, Джино, ведь твоему хозяину требуется иногда гондола между закатом и восходом солнца?

– Да, с некоторого времени он спит по ночам не больше совы. А с той поры как снег растаял на Монте Феличе, и я ложусь не раньше, чем взойдет солнце над Лидо.

– А когда твой хозяин скроется в стенах дворца, ты спешишь на мост Риальто к ювелирам и мясникам рассказывать, как он проводил ночь?

– Если бы так, то эта ночь стала бы моей последней на службе у герцога святой Агаты. Гондольер и духовник – два самых близких советчика дворянина, дорогой Стефано, с той небольшой разницей, что последний узнает только то, что грешник пожелает открыть, а первый иногда знает и больше. Я бы мог найти себе более спокойное, если не сказать более честное, занятие, чем бегать и разбалтывать секреты своего господина.

– Вот и я, Джино, тоже не так глуп, чтобы позволить каждому маклеру заглядывать в мой фрахтовый договор.

– Э-э, нет, дружище, есть все-таки разница между нашими занятиями. Владельца фелукки, конечно, нельзя сравнивать с гондольером, пользующимся самым большим доверием неаполитанского герцога, который имеет право быть допущенным в Совет трехсот.

– Та же разница, что между бурным морем и спокойным заливом. Ты бороздишь своим ленивым веслом воды канала, в то время как я в мистраль[7 - Мистраль – сильный и холодный северо-западный ветер.] лечу по проливу Пьомбино, мчусь вперед в любой шквал и пролетаю, едва касаясь вод, Адриатическое море во время сирокко, который так горяч, что можно варить на нем макароны, а море при нем кипит сильнее, чем водовороты у Сциллы...

– Тс-с!.. – нетерпеливо прервал его гондольер; с юмором истинного итальянца он предавался удовольствию поспорить ради самого спора, не выказывая при этом своих подлинных чувств. – Сюда идет некто, кто может подумать, что без его помощи мы не сможем разрешить наш спор.

Калабриец замолчал и, отступив на шаг, с мрачным видом в упор разглядывал человека, который был причиной этой тревоги.

Незнакомец медленно проходил мимо. Ему, наверно, не было еще и тридцати, но серьезная сосредоточенность взгляда делала его гораздо старше. Щеки его были бледны, но бледность эта свидетельствовала скорее о душевных переживаниях, чем о телесных недугах. Его крепкое, мускулистое тело двигалось легко и свободно, но в каждом его движении чувствовалась большая сила. Походка была твердой и уверенной, держался он прямо и независимо, вся его внешность выражала мужественное самообладание, бросавшееся в глаза каждому, кто на него смотрел. Если судить по одежде, то он, видимо, принадлежал к низшему классу – на нем был камзол из простого вельвета, темная шапочка в стиле Монтеро, какие носили тогда в южных странах Европы, и все остальное платье в этом же роде. Лицо его было скорее печально, чем мрачно, но удивительно спокойно, как и все его движения. Однако черты лица выражали смелость и благородство, подчеркивая силу и мужественность, столь характерные для лучших образцов итальянской красоты. И особенно выделялись на этом необычном лице глаза, словно озарявшие его, – глаза, полные ума и страсти.

Сверкающие глаза эти на мгновение задержались на лицах гондольера и его товарища, но выражение их, хотя и пытлиное, было совершенно безучастным. Он

оглядел их мимолетно, но испытующе, как смотрит на людей человек, у которого есть причины не доверять им. Взгляд его скользил по лицам всех прохожих с одинаковой подозрительностью, и к тому времени, как его гибкая фигура скрылась в толпе, он успел быстро и внимательно оглядеть еще многих.

Гондольер и моряк из Калабрии молчали, не отрывая глаз от удалявшегося человека. Когда незнакомец скрылся, гондольер взволнованно воскликнул:

- Bravo![8 - Bravo (ит.) – наемный убийца.]

Его приятель многозначительно поднял три пальца и указал кивком на Дворец дожей.

- И они позволяют ему свободно разгуливать даже здесь, на площади Святого Марка? – спросил он с неподдельным удивлением.

- Не так-то просто, дружище, заставить воду бежать против течения или остановить водопад. Говорят, что большинство сенаторов готовы скорее потерять свои надежды на рогатый чепец[9 - Рогатый чепец – название парадного головного убора правителя Венеции – дожа.], чем потерять этого проклятого Якопо Фронтони! Ему известно больше фамильных секретов, чем самому настоятелю собора Святого Марка, а ведь тому бедняге приходится полжизни проводить в исповедальне!

- Ну да, они боятся заковать его в железо, чтобы из него не полезли все их секреты!

- Черт побери! Вся Венеция пришла бы в волнение, если бы Совету трех пришло в голову развязать язык этому молодому человеку таким грубым способом.

- Говорят, Джино, что твой Совет трех имеет обыкновение кормить рыбу в лагунах и сваливать потом вину на какого-нибудь бедного анконца, если волны прибьют труп к берегу.

- Но об этом вовсе незачем кричать так громко, словно ты приветствуешь сицилийца своей сиреной, хотя, возможно, ты и прав. Но, по правде говоря, мало кто из подобных людей более опасен, чем тот, что прошел мимо нас на

Пьяцетту.

– Подумаешь! Два цехина – красная цена его услугам! – возразил калабриец с многозначительной гримасой на лице.

– Святая Мадонна! Ты забываешь, Стефано, что если уж он взялся за дело, то никакой священник не успеет дать несчастному отпущение грехов! Нет, его кинжал меньше чем за сотню не купишь. За твои два цехина удар будет не тот и жертва еще успеет и прочесть все молитвы, и наговориться вдоволь, прежде чем отправиться к праотцам.

– Бог ты мой! – воскликнул моряк с ужасом и отвращением.

Гондольер пожал плечами и выразил этим движением больше, чем мог бы передать словами человек, родившийся на берегах Балтийского моря. Но и он, видимо, решил переменить тему разговора.

– Слушай-ка, Стефано Милано, – сказал он после паузы, – в Венеции случаются дела, о которых надо забыть тому, кто хочет спокойно есть свои макароны. Какова бы ни была цель твоего приезда, ты прибыл как раз вовремя – завтра правительство устраивает гонки гондол.

– И ты собираешься участвовать в регате?

– Либо я, либо Джорджио, с благословения святого Теодора. Наградой счастливцу или искуснику будет серебряная гондола. А потом мы увидим обручение дожа с Адриатикой.

– Твои благородные господа хорошо сделают, если будут получше ухаживать за невестой, потому что многие еретики предъявляют свои права на нее. У скал Отронто я встретил отлично оснащенного и быстроходного пирата, который готов был гнаться за моей фелуккой чуть ли не до самых лагун.

– А при взгляде на него не загорелись ли твои пятки, милый Стефано?

– На его палубе не было турецких тюрбанов, но матросский колпак сидел на черных густых волосах, и подбородки этих моряков были чисто выбриты. Твой

«Буцентавр» теперь уже не самое храброе судно между Далмацией и островами, хотя и самое нарядное. Много стало людей в Гибралтарском проливе, которым уже мало того, что они делают у своего побережья, и которые воображают, что могут позволить себе то же и возле нашего.

– Республика постарела, брат, и нуждается в отдыхе. Такелаж «Буцентавра» тоже одряхлел от времени и частых походов на Лидо. Мой хозяин не раз говорил, что прыжок Крылатого Льва теперь тоже не так длинен, каким он был раньше, даже в дни его юности.

– Всем известно, что дон Камилло смело рассуждает о республике Святого Марка – ведь его древний замок Святой Агаты находится-то в Неаполе. Если бы он говорил более почтительно о рогатом чепце дожа и Совете трех, его претензии на права предков выглядели бы более справедливыми в глазах его судей. Впрочем, расстояние смягчает краски и приглушает страх. Так же меняется мое мнение о скорости фелукки и достоинствах турка в зависимости от того, нахожусь ли я в порту или в открытом море, да и ты, Джино, я помню, забывал святого Теодора и поклонялся так же истово святому Януарию, когда бывал в Неаполе, как будто тебе и в самом деле грозила беда со стороны гор.

– Нужно молиться тому, кто поближе, иначе молитвы не будут услышаны, – возразил гондольер, поднимая голову и не без суеверного страха бросая чуть насмешливый взгляд на изваяние святого, увенчивавшее колонну, к подножию которой он прислонялся, – и нужно быть поосторожнее, потому что вон тот ростовщик уже смотрит на нас так, словно его мучает совесть, что он позволяет нам говорить столь непочтительно и не может на нас донести. Этот старый бородатый мошенник, говорят, связан с Советом трех, и не только тем, что выуживает у них денежки, которые дает займы их сыновьям... Итак, Стефано, ты полагаешь, что республике никогда уж больше не установить новой триумфальной мачты на площади и не приобрести новых трофеев для собора Святого Марка?

– Но ведь и Неаполь с его непрерывной сменой владык так же не способен вершить великие дела на море, как и твой крылатый зверь! С тебя вполне достаточно, Джино, водить гондолу по каналам и следовать за своим господином в его калабрийский замок; но, если тебе захочется знать, что сейчас происходит в огромном мире, тебе придется удовлетвориться рассказами моряков, вернувшихся из дальних стран. Дни Святого Марка прошли, теперь время северных еретиков.

– Ты за последнее время слишком долго жил среди лживых генуэзцев и поэтому так говоришь. Великолепная Генуя! Но разве может какой-либо город сравниться с нашим городом каналов и островов? И что такое совершила эта апеннинская республика, чтобы сравнивать ее дела с великими делами королевы Адриатики! Ты забываешь, что Венеция была когда-то...

– Тише, тише! Вот именно «была когда-то», дружище, и это относится ко всей Италии. Ты гордишься своим прошлым так же, как римляне из Трастевере.

– И римляне из Трастевере правы. Разве это ничего не значит – происходить от такого великого и победоносного народа?

– А по мне, Джино Мональди, лучше быть сыном того народа, который велик и победоносен сейчас. Наслаждение своим прошлым похоже на удовольствие, какое испытывают глупцы, мечтая о вине, выпитом вчера.

– Это хорошо для неаполитанцев, чья страна никогда не была единой нацией! – сердито возразил гондольер.

– Пусть будет так. И все же винные ягоды так же сладки, а дичь так же нежна, как раньше. Пепел вулкана покрывает все!

– Джино! – раздался повелительный голос за спиной гондольера.

– Синьор!

Тот, кто прервал беседу двух приятелей, молча указал рукой на гондолу.

– Прощай, – поспешно прошептал гондольер.

Его товарищ дружески пожал руку своему земляку – тот родился, как и он, в Калабрии, но случай привел его на каналы. В следующее мгновение Джино уже раскладывал подушки для своего господина, разбудив сначала подручного, который спал сладким сном.

Глава II

...иначе я никак не поверю, что вы катались в гондолах.

Шекспир. «Как вам это понравится»[10 - Стихотворные эпиграфы даются в переводе Р. Сефа, за исключением особо оговоренных. Переводы эпиграфов из Шекспира даются по Полному собранию сочинений: В 8 т. М.: Искусство, 1957-1960.]

Дон Камилло Монфорте вошел в гондолу, но не занял там своего обычного места. Перекинув плащ через плечо и прислонившись к балдахину гондолы, стоял он в задумчивости, пока его искусные и ловкие гребцы не вывели лодку из гущи других гондол, забивших причал, на широкий водный простор. Затем Джино коснулся своей красной шапочки и взглянул на господина, словно спрашивая у него взглядом, куда плыть. Ему молча ответили жестом, что путь надо держать на Большой канал.

– Тебе хотелось бы, Джино, показать свое искусство в гонках? – спросил дон Камилло, когда тесные каналы остались позади. – Ты, конечно, заслуживаешь удачи... Ты разговаривал с каким-то незнакомцем, когда я позвал тебя в гондолу?

– Да, я расспрашивал этого человека о новостях в нашей Калабрии. Он прибыл в порт на своей фелукке, хотя и клялся когда-то именем святого Януария, что его прежний, неудачный приезд в Венецию будет последним.

– А как называется его фелукка и как его имя?

– «Прекрасная соррентинка» под командой Стефано Милано, сына старейшего слуги рода святой Агаты. Этот быстроходный барк может похвалиться и красотой. Он должен быть удачливым, потому что добрый священник многими молитвами отдал его под покровительство Богородицы и святого Франциска.

Дон Камилло начал разговор с тем равнодушным видом, с каким высший по положению обычно говорит с низшим, но теперь он, казалось, заинтересовался.

– «Прекрасная соррентинка»! А не приходилось ли мне раньше видеть этот барк?

– Очень возможно, синьор. У капитана есть родные во владениях герцога святой Агаты, как я уже говорил вашей светлости, и его судно не раз зимовало на берегу у замка.

– Что привело его в Венецию?

– Я отдал бы свою лучшую куртку с цветами вашей милости, чтобы узнать это, синьор. Я не люблю вмешиваться в чужие дела и отлично понимаю, что скромность – главная добродетель гондольера; и все же я пытался по старой дружбе кое-что разузнать о цели его приезда, но он был так осторожен, словно пятьдесят добрых христиан доверили ему свои тайны. Но если ваша светлость пожелает все узнать и поручит это мне, то я надеюсь, что ваше имя, которое он должен уважать, и умелый подход помогут нам выудить из него кое-что получше какой-нибудь фальшивой накладной.

– Ты можешь выбрать любую из моих гондол для участия в гонках, Джино, – сказал герцог святой Агаты, входя под балдахин.

Он растянулся на черных, из глянцевой кожи подушках, так и не ответив на последние слова слуги.

Гондола легко и бесшумно, словно сказочный эльф, летела вперед. Джино, который был старшим гребцом, стоял на маленьком изогнутом мостике на корме и с привычной ловкостью и искусством действовал своим веслом, направляя легкое суденышко то вправо, то влево, и оно, подчиняясь его воле, проворно скользило среди множества лодок разного вида и назначения, часто встречавшихся им на пути. Позади оставались дворцы и большие каналы, что вели к различным зрелищам и другим бойким и шумным местам, где часто бывал герцог, но дон Камилло не менял курса. Наконец лодка поравнялась с величественным зданием. Джорджио, гребя одной рукой, смотрел через плечо на Джино, который опустил весло. Оба ждали новых приказаний с почтительной готовностью, словно лошадь, замедляющая свой бег около дома, где обычно останавливается хозяин. Дом, у которого остановилась гондола, был одним из замечательнейших зданий Венеции; он был совершенно великолепен как по своему внешнему убранству и орнаментам, так и по своему оригинальному местоположению прямо в воде. Его массивный, грубо обтесанный мраморный фундамент устойчиво покоился среди волн, словно он был высечен из подводной скалы, и в то же время этажи, причудливо возвышаясь один над другим, легко и

грациозно достигали необычайной высоты. Колоннады с модульонами и массивными карнизами нависали над водой, словно человек решил посмеяться своим искусством над неверной стихией, скрывающей фундамент здания. Ступени лестницы, омываемые волнами от проходящих мимо гондол, вели в просторный вестибюль, служивший двором. Здесь стояли две или три гондолы. Вероятно, они принадлежали тем, кто жил в этом дворце, потому что в них не видно было людей. Поднимающиеся из воды столбы отгораживали лодки от проходивших мимо гондол. Такие столбы, с разукрашенными и разрисованными верхушками, на которых можно было видеть цвета и гербы их хозяев, образовывали подобие маленькой гавани для гондол перед дверью каждого дома, где обитала знать.

– Куда угодно отправиться вашей светлости? – спросил Джино, так и не дождавшись приказа хозяина.

– Во дворец.

Джорджио и Джино обменялись удивленными взглядами, но послушная гондола скользнула мимо этого неприветливого, хотя и роскошного здания, будто маленькое суденышко повиновалось какому-то внутреннему побуждению. Через секунду они повернули в сторону, и по всплескам воды о высокие стены можно было догадаться, что они вошли в более узкий канал. Укоротив весла, гондольеры осторожно гнали лодку вперед, то свертывая в какой-нибудь новый канал, то скользя под низким мостиком, то выкрикивая мягкими гортанными голосами знакомые всем в этом городе сигналы, чтобы предостеречь тех, кто мчался навстречу. И вскоре Джино искусно остановил гондолу около самой лестницы красивого здания.

– Следуй за мной, – сказал дон Камилло, с привычной осторожностью ступая на мокрую ступеньку и опираясь рукой на плечо Джино. – Ты мне нужен.

Ни вестибюль, ни вход, ни остальные внешние детали этого здания не могли сравниться с богатством и роскошью дворца на Большом канале. Тем не менее можно было с уверенностью сказать, что оно принадлежит знатному лицу.

– Ты поступил бы мудро, Джино, если бы попытал завтра счастья на новой гондоле, – сказал хозяин, поднимаясь по массивной каменной лестнице, и показал на красивую новую лодку, которая лежала в углу большого вестибюля;

во дворах домов, выстроенных на более твердой основе, чем вода, так обычно стоят экипажи и кареты. – Тот, кто жаждет снискать покровительство Юпитера, должен прокладывать себе дорогу к счастью собственным трудом, ты это и сам хорошо знаешь, мой друг.

Джино просиял и долго рассыпался в благодарностях. Они поднялись на второй этаж и углубились в анфиладу мрачных комнат, а гондольер все еще благодарил своего хозяина.

– Имея твердую руку и быструю гондолу, ты можешь надеяться на успех не меньше других, Джино, – сказал дон Камилло, закрывая за слугой дверь своего кабинета. – А теперь я попрошу тебя доказать мне свое усердие несколько иным образом. Знаешь ты в лицо человека по имени Якопо Фронтони?

– Ваша светлость! – вскричал гондольер, у которого от испуга перехватило дыхание.

– Я тебя спрашиваю, знаешь ли ты в лицо человека, которого зовут Фронтони!

– В лицо, синьор?

– Как же иначе можно узнать человека?

– Человека, синьор дон Камилло?

– Ты что, насмехаешься над своим хозяином?! Я спрашиваю тебя, знаком ли ты с неким Якопо Фронтони, жителем Венеции?

– Да, ваша светлость.

– Того, о ком я говорю, долго преследовали семейные неурядицы, отец его до сих пор находится в ссылке на побережье Далмации или еще где-то.

– Да, ваша светлость.

– Здесь многие носят фамилию Фронтони, и важно не ошибиться. Якопо из этой семьи – молодой человек лет двадцати пяти, крепкого телосложения и

меланхоличного вида, темперамента менее живого, чем хотелось бы в его годы.

– Да, ваша светлость.

– У него мало друзей, и он, пожалуй, больше известен своей молчаливостью и рвением, с каким он выполняет свои обязанности, чем обычным легкомыслием и ленью людей его сословия. Словом, тот Якопо Фронтони, что живет где-то у Арсенала.

– Мой бог! Синьор герцог, этот человек так же хорошо известен нам, гондольерам, как мост Риальто! Ваша светлость может не утруждать себя, описывая его наружность.

Дон Камилло рылся в своем секретере, перебирая какие-то бумаги. Он с удивлением взглянул на гондольера, решившегося остричь в разговоре с хозяином, и вновь опустил глаза.

– Ты его знаешь, и этого довольно.

– Да, ваша светлость. Но что вам будет угодно от этого проклятого Якопо?

Герцог святой Агаты, казалось, о чем-то раздумывал. Он сложил бумаги на место и закрыл секретер.

– Джино, – сказал он доверительно и дружелюбно, – ты родился в моих владениях и, хотя давно уже плаваешь гондольером в Венеции, всю свою жизнь служишь мне.

– Да, ваша светлость.

– Я желаю, чтобы ты окончил свою жизнь там, где начал ее. До сих пор я вполне доверял тебе и не ошибусь, сказав, что ты ни разу не обманул моего доверия, хотя тебе и приходилось порой быть невольным свидетелем некоторых опрометчивых поступков моей юности, которые могли бы доставить мне много неприятностей, если бы ты не держал язык за зубами.

– Да, ваша светлость.

Дон Камилло улыбнулся, но тут же лицо его снова омрачилось тревожными думами.

– Раз ты знаешь того, о ком я говорил, дело наше упрощается. Возьми этот пакет. – И он подал гондольеру запечатанное письмо большего, чем обычно, формата и снял с пальца кольцо с печаткой. – Это будет доказательством твоих полномочий. Под аркой Дворца дождей, которая ведет к каналу Святого Марка, под мостом Вздохов ты найдешь Якопо. Отдай ему письмо и, если он потребует кольцо, отдай и его. Сделай все, что он прикажет, и возвращайся с ответом.

Джино выслушал своего господина с глубоким вниманием и уважением, но все же не мог скрыть страх. Привычное почтение к хозяину, очевидно, теперь боролось в нем с острым нежеланием выполнять его приказ; покорный, но нерешительный вид гондольера свидетельствовал о каких-то серьезных причинах его замешательства. Но, если дон Камилло и заметил выражение лица своего слуги, он ничем этого не показал.

– Значит, у арки, ведущей во дворец, под мостом Вздохов, – невозмутимо добавил он. – И тебе нужно быть там к часу ночи.

– Мне бы хотелось, синьор, чтобы вы приказали Джорджио и мне отвезти вас в Падую.

– Путь слишком длинен. С чего это ты вздумал утомлять себя?

– Все потому, синьор, что там, среди лугов, нет ни Дворца дождей, ни моста Вздохов, ни этой собаки Якопо Фронтони.

– Тебе, видно, не очень хочется выполнять это поручение, но ты ведь знаешь, что долг преданного слуги – выполнять любые приказания хозяина. Ты родился моим вассалом, Джино Мональди, и, хотя ты с детских лет служишь моим гондольером в Венеции, твое настоящее место в моих поместьях в Неаполе.

– Я благодарен за честь, синьор, святой Януарий тому свидетель. Но ведь здесь, на улицах Венеции, не найти ни одного продавца воды, ни одного моряка на каналах, кто не желал бы этому Якопо провалиться в преисподнюю. Он гроза всех молодых любовников, он наводит ужас на всех кредиторов на островах.

– Вот видишь, глупый болтун, значит, нашелся хоть один из числа первых, кто его не испугался. Ты разыщешь его под мостом Вздохов, покажешь печать и вручишь, как я тебе велел, это письмо.

– Но разговаривать с этим негодяем – значит потерять репутацию честного человека! Не дальше как вчера Аннина, эта хорошенькая дочка виноторговца с Лидо, говорила, что быть увиденным однажды в обществе Якопо Фронтони так же гнусно, как быть схваченным дважды за кражу какой-нибудь старой веревки из Арсенала, как это случилось с Родериго, кузеном ее матери...

– Я вижу, твои понятия о морали те же, что и на Лидо. Так не забудь же показать кольцо, а не то он тебе не поверит.

– Не могли бы вы, ваше сиятельство, заставить меня вместо этого обрезать крылья льву или написать картину лучше Тициана[11 - Тициан Вечеллио (ок. 1487–1576) – великий венецианский живописец эпохи Возрождения.]? Мне до смерти не хочется встречаться с этим головорезом. Если кто-нибудь из гондольеров увидит, что я разговариваю с этим человеком, даже влияния вашей светлости окажется недостаточно, чтобы мне получить право участвовать в гонках.

– Если он задержит тебя, ты терпеливо жди, Джино, а если он тебя сразу отпустит, быстрее возвращайся – я хочу поскорее знать результат моего поручения.

– Я хорошо знаю, синьор дон Камилло, что честь дворянина более чувствительна к позору, чем честь его слуг, и что пятно на шелковой мантии сенатора заметнее, чем грязь на вельветовой куртке. Если бы кто-нибудь, недостойный внимания вашей светлости, посмел оскорбить вас, Джорджио и я показали бы, как глубоко мы можем чувствовать оскорбление чести нашего хозяина, но наемник за два, или десять, или даже сотню цехинов...

– Благодарю тебя за намек, Джино! Ступай к своей гондоле и ложись спать, но прежде попроси Джорджио прийти ко мне в кабинет.

– Синьор!

- Ты, кажется, решил не выполнять ни одного моего приказа?

- Ваше сиятельство желает, чтобы я отправился к мосту Вздохов пешком по улицам или по каналам?

- Возможно, понадобится гондола, ты отправишься водой.

- Акробат не успеет сделать сальто, как ответ Якопо будет у вас.

С этим внезапно изменившимся решением гондольер покинул комнату, ибо вся нерешительность Джино исчезла в ту минуту, как он понял, что кто-то другой может выполнить поручение хозяина. Торопливо спустившись по потайной лестнице и тем минуя вестибюль, где ожидали распоряжений герцога его слуги, он прошел по узкому коридорчику дворца во внутренний двор и оттуда через черный ход вышел в темный переулок, который вел к ближайшей улице.

Несмотря на то что благодаря возросшей деятельности людей и развитию средств сообщения Атлантический океан больше уже не служит препятствием даже для обычных развлечений, все же немногим случалось видеть самим достопримечательности тех мест, которые весьма этого заслуживают и по которым теперь так усердно пробирался Джино. Поэтому те, кому посчастливилось побывать в Италии, извинят нас за краткое, но, как нам кажется, необходимое отступление - мы делаем его ради тех, кто не имел этого счастья.

Венеция расположена на группе низких, песчаных островов. Возможно, что земля, лежащая у самого залива, если не вся огромная равнина Ломбардии в целом, наносного происхождения. Но каково бы ни было происхождение этих обширных и плодородных земель, причины возникновения лагун и неповторимой живописности Венеции слишком очевидны, чтобы тут можно было ошибиться. Несколько потоков, вытекающих из альпийских долин, как раз в этом месте вносят свою дань Адриатическому морю. Их воды несут с собой размытые горные породы. И, когда потоки теряют силу, вливаясь в море, груз этот оседает на дне залива. Со временем под влиянием противодействующих течений, водоворотов и волн песчинки образовали массивные подводные мели, которые всё росли, пока наконец не поднялись над поверхностью моря в виде островов, которые в свою очередь продолжали увеличиваться благодаря гниющим остаткам растительности. На карте видно, что там, где Венецианский залив

соприкасается с Адриатическим морем, он находится в сфере юго-восточного ветра – сирокко. Возможно, это случайное обстоятельство и является причиной, по какой устья мелких потоков, несущих свои воды в лагуны, имеют более определенную структуру, чем устья большинства рек, сбегających с Альп и Апеннин в это мелкое море в других местах.

Итак, вливаясь в воды какого-либо бассейна, где течения нейтрализуют одно другое, реки намывают в этом месте отмели, или, говоря языком науки, банки. Берега в этих местах подтверждают правдивость такой теории: каждая река имеет свою отмель и свои каналы, которые промываются либо половодьем, либо штормами, либо приливами и отливами. Постоянное и сильное воздействие юго-восточных ветров, с одной стороны, и периодические половодья альпийских рек – с другой, превратили эту отмель при входе в венецианские лагуны в непрерывный ряд длинных, низких песчаных островов, которые протянулись сплошной линией почти поперек горловины залива. Воды рек естественно прорыли себе несколько каналов, а иначе то, что теперь называется лагуной, давно превратилось бы в озеро. Следующее тысячелетие может так изменить характер этой необыкновенной местности, что каналы превратятся в широкие реки, а грязные отмели – в болота и обширные заливные луга, какие и теперь встречаются в глубине Италии.

Низкая песчаная полоса, которая защищает от моря порт Венеции и лагуны, носит название Лидо-ди-Палестрино. Эта полоса была искусственно укреплена и защищена во многих местах, превратившись в искусственный берег. Сотня маленьких островков, отстоящих от естественного барьера на расстоянии пушечного выстрела, представляет собой остатки того, что в Средние века было торговым центром Средиземного моря. Искусство соединилось здесь с природой, и результат оказался отличный. Даже в наши дни трудно представить себе более удобную и защищенную гавань, чем Венеция.

Множество глубоких каналов осталось в неприкосновенности, и город во всех направлениях пересекают бесчисленные протоки, которые называют каналами, ибо они по виду похожи на каналы. По берегам этих протоков возвышаются прямо из воды стены домов, служащие набережными или причалами, так как недостаток места заставляет владельцев возводить свои дома у самого края канала. Острова зачастую представляют собой обыкновенные отмели, которые время от времени обнажаются и которые несут на себе непосильный груз дворцов, церквей, памятников, и кажется иногда, что покоренные человеком песчаные отмели стонут под их тяжестью.

Великое множество каналов и, возможно, стремление использовать как можно меньше рабочей силы само подсказало людям, как устроить подъезды с воды. Но почти все дома Венеции, выходя фасадом на канал, имеют с противоположной стороны сообщение с внутренними улицами города. В большинстве описаний Венеции допускается ошибка: в них рассказывают о ней как о городе каналов и почти совсем не упоминают о ее улицах, а ведь эти тихие, узкие, мощеные, удобные и спокойные улицы пересекают все острова и соединены между собой бесчисленными мостами. И, хотя там редко можно услышать стук копыт или скрип колес, все же эти прямые улицы тоже очень важны для венецианцев, которые пользуются ими в самых различных случаях.

Джино вышел из дворца потайным ходом и очутился на одной из таких улиц. Он пробирался в толпе, запрудившей улицу, словно угорь, извивающийся среди водорослей лагуны. На многочисленные приветствия друзей он отвечал лишь кивком головы. Гондольер очень спешил и ни разу не остановился в пути. Наконец он подошел к дверям маленького темного домика, расположенного в той части города, где ютилась беднота. Протискиваясь среди бочек, снастей и разного хлама, Джино на ощупь отыскал дверь и, толкнув ее, очутился в небольшой комнате, свет в которую проникал только через своеобразный колодец, образованный стенами этого и соседнего домика.

– Святая Анна, помилуй меня! – воскликнула бойкая девица, в голосе которой сквозило и кокетство и удивление. – Ты ли это, Джино Мональди? Пешком и через потайную дверь! Разве сейчас время для поручений?

– Ты права, Аннина, час слишком поздний для каких-либо дел к твоему отцу и слишком ранний для визита к тебе. Но у меня нет времени ни для дел, ни для слов. Ради святого Теодора или ради преданного глупца, который если и не раб тебе, то, уж конечно, твой пес, принеси мне поскорее ту куртку, что я надевал, когда мы с тобой ходили на празднество в Фузину.

– Я ничего не знаю о твоём деле, Джино, и не понимаю, почему ты хочешь сменить ливрею твоего хозяина на платье простого лодочника. Эти шелковые цветы тебе гораздо больше к лицу, чем вытертый бархат. И если я говорила тебе обратное, то это только потому, что мы были тогда на празднестве и было бы неблагодарностью с моей стороны не сказать тебе чего-либо приятного, тем более что ты не прочь услышать словечко в похвалу себе.

– Тише! Тише! Сейчас-то мы не на празднестве и одни, к тому же у меня очень важное, неотложное дело. Дай мне куртку, если ты любишь меня!

Аннина всегда быстро соображала, хотя и не упускала случая поспорить; она тут же бросила куртку на табурет, стоявший подле гондольера, всем своим видом показывая, что у нее признания в любви не вырвешь, даже если застанешь врасплох.

– Какая там еще любовь! Вот тебе твоя куртка, Джино. Ты найдешь в кармане ответ на письмо, за которое я тебя не благодарю, потому что писал его не ты, а секретарь герцога. Девушкам приходится быть очень осторожными в таких вещах – вдруг поверенный твоих тайн окажется твоим соперником?

– Каждое слово там настолько верно передает мои чувства, что сам дьявол не смог бы лучше выполнить мое поручение, – пробормотал Джино, снимая с себя свой цветастый камзол и поспешно облачаясь в простую вельветовую куртку. – А шапочку, Аннина, и маску?

– Человек с таким лживым лицом не нуждается в кусочке шелка, чтобы обмануть людей, – возразила девушка, бросая ему между тем все, что он просил.

– Ну вот, теперь хорошо! Сам папаша Баттиста не узнал бы слугу дона Камилло Монфорте в этом платье, а ведь он уверяет, что может с первого взгляда по запаху отличить грешника от кающегося. Черт возьми! Я готов даже навестить того ростовщика, которому ты заложила свою золотую цепочку, и намекнуть ему, что его ожидает, если он будет настаивать на двойных процентах против условленного.

– Это было бы по-христиански! Но что же стало бы тогда с твоим важным делом, из-за которого ты так спешишь?

– Ты права, милочка. Долг прежде всего, хотя поугасть жадного ростовщика, может быть, такой же долг любого христианина, как и все остальное. Кстати, гондолы твоего отца все в разгоне?

– А на чем же ему добираться на Лидо, а моему брату Луиджи – в Фузину, а двоим слугам – по обычным делам на острова? И разве я иначе осталась бы одна?

– Черт возьми! И ни одной лодки на канале?

– Ты что-то слишком спешишь, Джино, теперь, когда ты надел маску и бархатную куртку. Мне не следовало впускать тебя в дом моего отца, когда я здесь одна, и позволить тебе переодеться, чтобы уйти куда-то в такой поздний час... Ты должен рассказать мне о своем поручении, чтобы я могла судить, правильно ли я поступила.

– Лучше попроси Совет трехсот показать тебе книгу их приговоров. Дай-ка ключ от двери, милочка, мне надо идти.

– Не дам, пока не уверюсь, что я не навлеку немилость сената на моего отца. Ты знаешь, Джино, что я...

– Боже мой! Бьют часы на соборе Святого Марка! Я опоздаю! Если это случится, ты будешь виновата.

– Это будет не первая из твоих оплошностей, за которую мне придется тебя прощать. Ты не уйдешь до тех пор, пока я не узнаю, что это за важное поручение и зачем тебе понадобились маска и куртка.

– Ты говоришь со мной, как ревнивая жена, а не как рассудительная девушка, Аннина. Я же сказал тебе, что это дело очень важное и, если я опоздаю, будет много неприятностей.

– У кого? Что это за дело? Почему ты сегодня так спешишь покинуть этот дом, откуда обычно тебя приходится гнать?

– Разве я не говорил тебе, что это важное дело касается шести знатных фамилий и, если я не выполню его вовремя, может произойти раздор между Флоренцией и республикой Святого Марка!

– Ничего подобного ты мне не говорил и думаешь, я поверю, что ты посол Святого Марка? Хоть раз скажи правду! А не то клади назад маску и куртку и надевай ливрею герцога святой Агаты.

– Ну, раз мы друзья, Аннина, и я вполне тебе доверяю, ты узнаешь всю правду: на колокольне сейчас пробило три четверти, так что у меня есть минутка, чтобы открыть тебе свой секрет.

– Ты смотришь в сторону, Джино, и стараешься что-то придумать!

– Я смотрю в сторону потому, что любовь к тебе, Аннина, заставляет меня забывать свой долг. А ты принимаешь мой стыд и мою скромность за обман!

– Об этом мы сможем судить лишь тогда, когда ты все расскажешь.

– Ну, слушай! Ты, конечно, знаешь о том, что случилось с моим хозяином и племянницей того самого римского маркиза, который утонул в Джудекке из-за неосторожности анконца, опрокинувшего гондолу Пьетро, словно у него была не фелукка, а правительственная галера?

– Ну кто на Лидо не слышал эту историю по крайней мере сто раз за последний месяц! Ведь об этом говорят все гондольеры, и каждый на свой лад!

– Так вот, эта история сегодня ночью, кажется, подходит к концу. Боюсь, что мой хозяин собирается сделать большую глупость!

– Он хочет жениться?

– Или еще хуже. Меня послали как можно скорее, и притом тайком, отыскать священника.

Аннина с интересом слушала выдумку гондольера. Однако, видимо хорошо зная своего поклонника, или из-за своего недоверчивого характера, или просто по привычке она с сомнением отнеслась к его словам, и подозрительность не оставляла ее.

– Этот свадебный пир будет для всех неожиданностью, – сказала она в раздумье. – Хорошо, что приглашенных немного, а то Совет трехсот может испортить все дело. В какой монастырь тебя послали?

– Я должен привести первого попавшегося, важно только, чтобы он был францисканцем и чтобы сочувствовал влюбленным, которые спешат обвенчаться.

– Дон Камилло Монфорте, наследник древнего и великого рода, не может жениться так неосторожно! Твой лживый язык пытается обмануть меня, но ты отлично знаешь, что это тебе не удастся. Тебя давно бы следовало проучить за обман! Пока не скажешь всю правду, ты не только не выполнишь свое поручение, но и останешься моим пленником, потому что мне скучно сидеть одной.

– Я просто делюсь с тобой моими предположениями. Но за последнее время дон Камилло так долго держит меня на воде, что я способен только спать, когда хоть ненадолго избавляюсь от весла.

– Напрасно ты пытаешься обмануть меня, Джино. Твои глаза не умеют лгать, хотя язык твой и болтает что попало. Глотни-ка из этой вот чаши и смело облегчи свою совесть, ведь ты мужчина.

– Мне бы хотелось, – сказал гондольер, осушив чашу, – чтобы твой отец познакомился со Стефано Милано. Это капитан фелукки из Калабрии. Он часто привозит сюда отменные вина своей страны, и он так ловок, что мог бы прокатить бочку красного лакрима-кристи вдоль Бролио и ни один из гуляющих там патрициев не догадался бы об этом. Сейчас он здесь, и, если ты захочешь, он сможет продать твоему отцу по сходной цене несколько бурдюков.

– Сомневаюсь, что его вина лучше, чем наши с виноградников песчаного Лидо. Выпей еще глоток; говорят, второй вкуснее первого.

– Если бы ценность вина росла с каждым глотком, твой отец всякий раз огорчился бы при виде последней капли. Нет, ему просто необходимо познакомиться со Стефано.

– Но почему не сделать этого сейчас же? Его фелукка в порту, как ты сказал, и ты можешь проводить его в наш дом через потайную дверь с улицы.

– Ты забываешь о поручении! Дон Камилло не привык, чтобы его приказания выполнялись во вторую очередь. Черт побери! А жаль, если кто-нибудь другой

возьмет у калабрийца вино, которое он хранит под замком.

– Твое поручение, видно, не минутное дело, а попробовать вино, о котором ты говорил, и убедиться в его достоинствах – на это ведь не надо много времени. Если ты справишься быстро, то можешь сначала идти по делам своего хозяина, а потом в порт разыскивать Стефано. Мне не хотелось бы упустить эту покупку. Я тоже надену маску, и мы вместе пойдем к калабрийцу. Ты ведь знаешь, отец вполне доверяет моему суждению в подобных делах.

Пока Джино, ошеломленный и в то же время восхищенный, обдумывал этот план, ловкая и проворная Аннина быстро переоделась, скрыла лицо под шелковой маской и, заперев дверь на ключ, кивком головы предложила гондольеру следовать за ней.

Узкий канал, на который выходило жилище виноторговца, был мрачным и безлюдным. Неподалеку от дома стояла простенькая гондола, и девушка вошла в нее, ничуть не заботясь о том, что думает обо всем этом Джино. Слуга дона Камилло некоторое время колебался, но, рассудив, что незаметно улизнуть от Аннины на другой лодке, о чем он подумывал, ему не удастся, так как никакой другой лодки поблизости не было, он занял место на корме и усердно, с привычной готовностью заработал веслом.

Глава III

Я заплачу, лишь пощади мне жизнь.

Шекспир. «Генрих VI»

Присутствие девушки очень стесняло Джино. У него, как и у всех людей, были свои тайные и честолюбивые мечты, но, пожалуй, самым сильным из всех его желаний было понравиться дочери виноторговца. К тому же хитрая Аннина угостила его таким крепким и ароматным вином, что теперь разум его был в смятении и требовалось время, чтобы он очнулся от этого сладостного забытья. Лодка плыла уже по Большому каналу и оказалась слишком далеко от того места, куда послали Джино, когда его рассудок наконец прояснился. Свежий

вечерний воздух, быстрая гребля, знакомая суета канала вернули ему рассудительность и ясность мысли. Когда лодка достигла конца канала, взгляд его уже отыскивал знакомую фелукку калабрийца.

Хотя былая слава Венеции миновала, торговля города все же еще не пришла в тот упадок, который мы наблюдаем в наши дни. Порт еще был забит множеством кораблей из отдаленных гаваней, и флаги большинства морских держав Европы виднелись у берегов Лидо. Луна поднялась уже высоко и лила свой мягкий свет на сверкающую воду, на возвышающийся над ее гладью лес латинских рей и легких мачт мелких суденышек, освещая массивные корпуса тяжелых судов и их снасти.

– Ты не можешь судить о красоте судна, Аннина, – сказал гондольер, устроившись под балдахином, – а иначе я обратил бы твое внимание на этого незнакомца из Кандии. Говорят, что судно прекраснее, чем у этого грека, еще никогда не заходило на Лидо!

– Мы плывем не к купцу из Кандии, Джино, так что нажимай на весло, время не ждет.

– А у него в трюме, наверно, много терпкого греческого вина. Но что поделаешь, раз ты говоришь, что мы плывем не к нему. А вон тот высокий корабль, который стоит на якоре за одним из наших маленьких суденышек, – корабль протестанта с Британских островов. То был печальный день для нашей республики, девочка, когда она впервые допустила этого иностранца в воды Адриатики!

– А правда ли, Джино, что рука Святого Марка была достаточно сильна, чтобы удержать его?

– Черт возьми! Я тебе советую не задавать таких вопросов, когда вокруг так много гондол! Видишь, сколько понаехало сюда из Рагузы, Тосканы, с Мальты, Сицилии, да еще небольшая флотилия французов остановилась тут же, у входа в Джудекку. Эти люди собираются вместе в море или на суше и дают волю своим болтливым языкам... Но вот мы наконец и у цели.

Искусным движением весла Джино остановил гондолу у борта фелукки.

– Привет «Прекрасной соррентинке» и ее доблестному капитану! – воскликнул гондольер, когда ступил на палубу. – Находится ли Стефано Милано на борту этой быстроходной и прекрасной фелукки?

Калабриец не замедлил ответить, и через несколько минут капитан и его гости уже тихо беседовали между собой.

– Я привез к тебе особу, которой хочется положить в твой карман отличные венецианские цехины, дружище, – заметил гондольер, когда все приличествующие случаю любезности были высказаны. – Она дочь одного из самых добросовестных виноторговцев и готова от его имени переселить твой сицилийский виноград на острова, точно так же как ее отец захочет и сможет заплатить за него.

– И она, без сомнения, очень красива, – сказал моряк с грубоватой галантностью. – Только это черное облако надо было бы прогнать с ее лица.

– Маска не помешает заключить выгодную сделку. Мы в Венеции всегда как на карнавале; и покупатель и продавец в равной степени имеют право спрятать свое лицо так же, как свои мысли. Ты лучше скажи, что у тебя есть из запретных вин, Стефано, а то моя спутница теряет время в бесполезных разговорах.

– Черт возьми! Ты сразу берешь быка за рога, Джино! Трюм фелукки пуст, в чем ты сам можешь убедиться, спустившись вниз, а что касается вина, то мы и сами жаждем промочить горло, чтобы согреться.

– Значит, вместо того чтобы пытаться найти его здесь, – сказала Аннина, – нам лучше было бы пойти в собор и помолиться Деве Марии за твое благополучное возвращение домой. Ну а теперь, когда остроумие наше истощилось, мы пойдем, друг Стефано, к кому-нибудь другому, кто менее искусен в ответах.

– Черт побери! Ты сама не знаешь, что говоришь! – прошептал Джино, поняв, что осторожная Аннина и вправду собирается уйти. – Нет в Италии ни одной даже самой захудалой бухты, куда бы заходил этот человек, не припрятав кое-что полезное в трюмах на свой страх и риск. Одна бутылка его вина сразу решит вопрос, чьи вина лучше: твоего отца или Баттисты. Если бы ты договорилась с этим парнем, ни один гондольер не прошел бы мимо твоей лавочки.

Аннина колебалась. Долгая практика в небольшой, но выгодной и чрезвычайно рискованной торговле, которую успешно вел ее отец, несмотря на бдительность и суровость венецианской полиции, подсказывала ей, что не следует выдавать свои намерения совершенно незнакомому человеку, но в то же время ей не хотелось отказываться от сделки, сулившей выгоду. Джино, разумеется, не сказал ей, в чем действительно состоит его таинственное поручение, это было ясно, потому что слуге герцога святой Агаты нет необходимости маскироваться, чтобы разыскать священника, но Аннина знала, что этот гондольер слишком хорошо к ней относится, чтобы подвергать ее какому-либо риску.

– Если ты думаешь, что один из нас может донести на тебя, – сказала она капитану, не пытаясь скрыть свои истинные намерения, – то Джино сможет разубедить тебя. Джино, поклянись, что меня нельзя заподозрить в вероломстве в таком деле, как это.

– Позволь мне сказать несколько слов на ушко земляку, – многозначительно сказал гондольер. – Стефано Милано, если ты мне друг, – продолжал он, когда они отошли в сторонку, – задержи девушку, поговори с ней, просто ради развлечения.

– Может быть, мне предложить ей вино дона Камилло или вице-короля Сицилии, дружище? Этого вина на борту «Прекрасной соррентинки» сколько хочешь, хоть топи в нем весь флот республики.

– Если даже у тебя нет вина, сделай вид, что оно у тебя есть, и подольше не уступай ей в цене. Займи ее хоть на минуту, скажи ей какую-нибудь любезность, чтобы она не заметила, как я спущусь в гондолу, а потом, ради нашей старой и испытанной дружбы, проводи ее самым любезным образом на набережную, самым любезным, как только сможешь, Стефано.

– Я только теперь начинаю понимать тебя, – ответил уступчивый капитан, поднося палец к кончику носа. – Я могу спорить с ней часами о букете того или иного вина или, если ты захочешь, о ее собственной красоте, но выжать из ребер фелукки хоть каплю чего-либо лучшего, чем вода лагун, было бы чудом, достойным самого святого Теодора!

– От тебя больше ничего и не требуется, как только поговорить с ней о качестве твоего вина. Эта девушка не похожа на других, и я тебе не советую начинать с

ней разговор о ее внешности, потому что ты можешь ненароком обидеть ее. Она носит маску, чтобы скрыть свое лицо, которое не так уж прекрасно, как ты думаешь.

Сообразительный калабриец весело и с видом неожиданного доверия обратился к Аннине:

– Джино поговорил со мной откровенно, и я надеюсь, что мы пойдем друг друга. Соизвольте, прекрасная синьора, спуститься в мою недостойную каюту; там нам будет удобнее вести переговоры к нашей взаимной пользе и взаимной безопасности.

Хотя Аннина еще колебалась, она все же позволила капитану проводить себя до лестницы в каюту и, казалось, готова была спуститься туда. Но не успела она повернуться спиной к Джино, как он соскользнул в гондолу, которая от толчка его сильной руки сразу же отошла настолько далеко от борта фелукки, что теперь спрыгнуть в нее было уже невозможно. Прodelал он все это быстро, неожиданно и бесшумно, но зоркие глаза Аннины заметили исчезновение гондольера, хотя она уже не в силах была помешать ему. Не выдавая своего волнения, девушка позволила проводить себя вниз, словно все происходило так, как было решено заранее.

– Джино говорил, что у тебя есть лодка, которой я смогу воспользоваться, чтобы добраться до набережной, когда мы кончим переговоры, – заметила она, не теряя присутствия духа, несмотря на уловку своего приятеля.

– Зачем же лодка? Вся фелукка к вашим услугам, – галантно ответил моряк, когда они спустились в каюту.

Очувившись наконец на свободе, Джино взялся за весло с удвоенной энергией. Легкая лодка, отклоняясь то в одну, то в другую сторону, ловко лавировала между судами, избегая столкновений, пока не достигла узкого канала, отделяющего Дворец дождей от более прекрасного классического сооружения, где находилась тюрьма республики. Мост, что соединяет обе набережные, остался позади, потом над головой Джино проплыла знаменитая арка, та арка, которая поддерживает крытую галерею, ведущую из верхнего этажа Дворца дождей в тюрьму и которая была так поэтично и, можно добавить, так печально-трогательно названа мостом Вздохов, так как по ней проводили обвиняемых,

когда им надлежало предстать перед лицом своих судей.

Джино ослабил удары весла, и гондола подплыла к лестнице, нижние ступени которой, как обычно, захлестывали легкие волны. Джино спрыгнул на низкую плиту и, воткнув маленький железный багор на веревке в расселину между плитами, оставил свою лодку под защитой этого ненадежного, но привычного крепления. Предприняв эту нехитрую предосторожность, гондольер быстро прошел под массивной аркой – водными воротами дворца и очутился в его огромном, но мрачном дворе.

В этот час веселья, царившего на прилегающей к дворцу площади, здесь было тихо и пустынно. Лишь одинокая женщина-водонос стояла у колодца и ждала, пока бассейн наполнится родниковой водой, чтобы зачерпнуть ее своими ведрами; от нечего делать она равнодушно прислушивалась к гулу веселой толпы на площади. Часовой с алебардой расхаживал по открытой галерее на верхней площадке лестницы Гигантов; и то здесь, то там под угрюмыми и тяжелыми сводами длинных коридоров дворца раздавались шаги других часовых. Ни одно окно не светилось в этом здании, которое служило символом таинственной власти, вершившей судьбы Венеции и ее горожан. Прежде чем Джино вышел из темного прохода, по которому шел, он заметил в противоположных воротах двоих или троих любопытных; они остановились и с интересом оглядели пустынный и внушительный дворец, наводивший ужас на людей, а затем влились в беззаботную толпу, кружившую поблизости от этого тайного и беспощадного трибунала, ибо человеку свойственно бездумно веселиться даже на краю неизвестного будущего.

Раздосадованный, что не нашел здесь того, кого искал, гондольер вышел вперед и, втайне надеясь, что он вообще избежит этой встречи, набрался храбрости и рискнул обнаружить себя громким покашливанием. В то же мгновение темная фигура скользнула во двор со стороны набережной и быстро прошла на середину. Сердце Джино отчаянно забилось, но он сумел овладеть собой. Когда они приблизились друг к другу, Джино заметил при свете луны, проникавшем и в это мрачное место, что незнакомец тоже в маске.

– Да благословят вас святой Теодор и святой Марк! – сказал гондольер. – Если я не ошибаюсь, вы тот самый человек, к которому меня послали.

Незнакомец вздрогнул и, казалось, хотел пройти мимо, но внезапно остановился.

– Может быть, да, а может быть, нет! Сними маску, чтобы я мог судить по твоему лицу, правду ли ты сказал.

– С вашего позволения, достойный и уважаемый синьор, и с повеления моего хозяина я бы предпочел укрыться от вечерней прохлады за этим кусочком картона и шелка.

– Здесь тебя никто не выдаст, даже будь ты в чем мать родила. Но, если я не знаю, кто ты, как могу я довериться твоей честности?

– Я и сам питаю больше доверия к открытым лицам, синьор, и потому я предлагаю вам самому показать, какими чертами наделила вас природа, а то ведь доверяться-то должен я, и мне нужно быть уверенным, что вы и есть тот самый человек.

– Слова твои справедливы и показывают, что ты благоразумен. Но я не могу снять маску; и, так как мы с тобой вряд ли договоримся, я пойду дальше... Счастливейшей тебе ночи!

– Черт побери! Синьор, для меня вы слишком быстры в своих мыслях и решениях – я ведь совсем неопытен в переговорах такого рода. Вот кольцо. Может быть, печать на нем поможет нам лучше понять друг друга.

Незнакомец взял драгоценность и повернул камень к лунному свету; разглядев его, он вздрогнул от удивления и удовольствия.

– Здесь сокол, герб неаполитанца. Кольцо принадлежит владельцу замка святой Агаты!

– И многих других поместий, добрый синьор, не говоря уж о тех почестях, которых он добивается здесь, в Венеции. Значит, я прав и поручение мое – к вам?

– Ты нашел человека, у которого нет сейчас более важного дела, чем служить дону Камилло Монфорте. Но ведь ты пришел сюда не только затем, чтобы показать мне кольцо?

– Разумеется, нет. У меня есть письмо, и я тотчас передам его адресату, как только буду уверен, что говорю именно с ним.

Незнакомец задумался на мгновение, затем, оглядевшись вокруг, поспешно ответил:

– Здесь не место снимать маски, друг, даже если бы мы их носили просто ради удовольствия. Жди меня здесь, я скоро вернусь и проведу тебя в более надежное место.

Едва были произнесены эти слова, как Джино оказался посередине двора один. Незнакомец в маске быстро удалялся и был уже около подножия лестницы Гигантов, прежде чем гондольер пришел в себя от неожиданности. Быстрыми, легкими шагами незнакомец поднялся по лестнице и, не обращая внимания на алебарщика, приблизился к первому из нескольких отверстий в стене дворца, окруженных барельефами в виде львиных голов, в которые, как было известно, опускали тайные доносы и которые назывались «Львиные пасти». Он что-то бросил в эту ухмыляющуюся пасть из мрамора, но Джино был далеко, а в галерее царил полумрак, и гондольер не разглядел, что именно он туда бросил. Потом Джино увидел, как незнакомец заскользил, словно привидение, вниз по массивным ступеням лестницы.

Гондольер вновь вернулся к арке водных ворот, ожидая, что незнакомец сейчас подойдет к нему, но тут же с ужасом увидел, как тот быстро выбежал в открытые ворота дворца, ведущие на площадь Святого Марка. Не теряя ни минуты, Джино бросился за ним, но, очутившись на яркой, сверкающей весельем площади, непохожей на мрачный двор, который он только что покинул, как день не похож на ночь, он сразу понял, что преследовать незнакомца бесполезно. Однако, испуганный потерей кольца с печатью, которое он так неосторожно, хотя и с лучшими намерениями сам, отдал, гондольер бросился в толпу, тщетно пытаясь отыскать вора среди тысячи масок.

– Послушайте, синьор! – обратился отчаявшийся гондольер к человеку в маске, который недоверчиво оглядел его и, очевидно, решил пройти мимо. – Если вы уже достаточно налюбовались кольцом моего хозяина на своем пальце, то сейчас вам представляется удобный случай вернуть его.

– Я не знаю тебя, – ответил голос, и Джино не уловил в нем знакомых ноток.

– По-моему, не стоит навлекать на себя гнев такого знатного господина, как тот, кого ты хорошо знаешь, – шепнул он на ухо другой подозрительной маске. – Отдай кольцо, и на этом все кончится.

– С кольцом или без кольца – лучше брось это дело, пока не поздно!

Гондольер вновь отошел ни с чем.

– Кольцо не подходит к твоему костюму, мой друг, – сказал он третьему, – и было бы разумнее не беспокоить подеста[12 - Подеста (ит.) – судья.] из-за такой мелочи.

– Тогда не говори об этом, а не то как бы он сам тебя не услышал!

Ответ, как и все другие, не удовлетворил гондольера. Он больше не пытался ни с кем заговаривать и молча пробирался в толпе, пытливо вглядываясь в окружающих его людей. Много раз у него появлялось желание заговорить, но тотчас же чуть заметная разница в фигуре или в одежде, смех или случайное слово, сказанное игривым тоном, предупреждали его об ошибке. Он прошел площадь из конца в конец, потом вернулся противоположной стороной и снова, пробираясь сквозь толпу, заглядывал в каждую кофейню под галереями и внимательно присматривался к каждой фигуре, пока опять не очутился на Пьяцетте, но все было тщетно. Вдруг кто-то легонько дернул его за рукав. Он обернулся: перед ним стояла женщина в костюме трактирщицы. Она обратилась к нему явно деланным голосом:

– Куда ты так торопишься и что ты потерял в этой веселой толпе? Если сердце, то было бы умней с твоей стороны скорее найти эту драгоценность, а то ведь здесь найдется немало охотниц до нее.

– Черт побери! – воскликнул разочарованный гондольер. – Если кто-нибудь и найдет у себя под ногами эту безделушку, на здоровье! Не видела ли ты здесь домино среднего роста, с походкой сенатора, или священника, или ростовщика в маске, которая так же похожа на тысячи других масок на этой площади, как одна сторона кампаниллы на другую?

– Ты так хорошо нарисовал портрет, что нетрудно узнать оригинал. Он стоит позади тебя.

Джино резко обернулся и там, где он ожидал найти незнакомца, увидел арлекина; тот смеялся и фиглярничал.

– У тебя зрение, как у крота, прекрасная трактирщица...

Но Джино не договорил – обманувшись в нем, веселая трактирщица исчезла.

Вконец разочарованный, гондольер с трудом пробирался к каналу, то отвечая на шуточные приветствия какого-либо клоуна, то отклоняя заигрывания женщин, менее замаскированных, чем та мнимая трактирщица, пока наконец не добрался до набережной, где было больше свободного места и откуда легче было наблюдать за толпой. Наконец он остановился между двумя гранитными колоннами, раздумывая, как быть: вернуться ли к хозяину и признаться в своей неосторожности или попытаться отыскать кольцо, которое было так глупо потеряно. И тут он вдруг обнаружил, что рядом, у пьедестала крылатого льва, кто-то стоит так неподвижно, точно он высечен из камня.

Два-три раза какие-то гуляки, то ли влекомые праздным любопытством, то ли надеждой встретить того, с кем было назначено свидание у колонн, приближались к этому окаменевшему человеку и сразу же уходили прочь, словно его неподвижная фигура вызвала у них непреодолимое отвращение. Видя все это и удивляясь странному поведению людей, Джино решил узнать, в чем причина их столь явного нежелания оставаться рядом с неизвестным, и пересек разделявшее их пространство между колоннами. Услышав звук приближающихся шагов, незнакомец медленно обернулся, лунный свет упал прямо на его лицо, и Джино вдруг поймал на себе испытующий взгляд того, кого так долго искал.

Первым побуждением гондольера, как и всех других подходивших к этому месту, было желание уйти, но, вспомнив о поручении и пропавшем кольце, он постарался не выказать свое отвращение и страх. Он молча встретил пронизывающий взгляд браво и, хоть и смущенный, решительно смотрел на него в упор несколько секунд.

– Что тебе от меня надо? – спросил наконец Якопо.

– Кольцо с печатью моего хозяина.

– Я тебя не знаю.

– Святой Теодор подтвердил бы, что я не обманщик, если бы он только пожелал заговорить! Я не имею чести быть вашим другом, синьор Якопо, но ведь иногда приходится иметь дело и с незнакомцем. Если вы встретили мирного и ни в чем не повинного гондольера во дворе дворца, когда часы на площади пробили последнюю четверть, если вы получили от него кольцо, которое никому не нужно, кроме его настоящего владельца, то будьте же великодушны – верните его.

– Ты, вероятно, принимаешь меня за ювелира с Риальто и потому говоришь о кольцах?

– Я принимаю вас за человека, которого хорошо знают и ценят многие знатные семьи Венеции. Доказательством этому может служить поручение моего хозяина.

– Сними маску. Людям с честными намерениями незачем прятать свое лицо.

– Вы правы, синьор Фронтони, да это и неудивительно – вы всегда видите человека насквозь. В моем лице нет ничего такого, ради чего вам стоило бы взглянуть на него. Если вы не возражаете, я бы предпочел остаться в том виде, в каком многие пребывают в этот праздничный день.

– Делай как знаешь, но я тоже тогда, с твоего разрешения, останусь в маске.

– Немногие осмелятся перечить вашему желанию, синьор.

– Я желаю остаться один.

– Черт побери! В Венеции, пожалуй, нет человека, который охотнее меня согласился бы на это, – пробормотал Джино сквозь зубы, – но я должен выполнить поручение хозяина. У меня, синьор, его письмо, и мой долг – передать его в руки вам, и никому другому.

– Я тебя не знаю. У тебя есть имя?

– Смотря в каком смысле, синьор. Что касается известности, то имя мое вам так же неизвестно, как имя какого-нибудь подкидыша.

– Если твой хозяин известен не более, чем ты сам, не трудись передавать его письмо.

– Немногие в республике Святого Марка имеют такое происхождение и такое будущее, как герцог святой Агаты.

Надменное выражение исчезло с лица браво.

– Если ты от дона Камилло Монфорте, что же ты сразу не сказал мне об этом? Что ему угодно?

– Я не знаю, ему ли угодно то, что содержится в этих бумагах, или кому другому, но мой долг обязывает меня вручить их вам, синьор Якопо.

Письмо было принято спокойно, хотя взгляд, который остановился на печати и надписи, легковерный гондольер мысленно сравнил со взглядом тигра, учуявшего кровь.

– Ты говорил о каком-то кольце. Ты принес мне печать своего хозяина? Я не привык верить на слово.

– Святой Теодор свидетель, что оно у меня было! Будь оно даже тяжелее меха с вином, я бы все равно с радостью принес вам этот груз, но боюсь, что тот, кого я ошибочно принял за вас, синьор Якопо, теперь носит это кольцо на пальце.

– Ну, об этом ты рассказывай своему хозяину, – холодно сказал браво, вглядываясь в оттиск печати.

– Если вы знакомы с почерком моего хозяина, – поспешно заметил Джино, который дрожал за судьбу письма, – то сможете убедиться, что письмо написано им. Ведь немногие знатные господа в Венеции да, пожалуй, и во всей Сицилии умеют так искусно действовать пером, как дон Камилло Монфорте; мне бы никогда не написать и вполтину так хорошо.

– Я человек необразованный и никогда не учился разбирать почерки, – признался браво, ничуть при этом не смутившись. – Если ты так хорошо разбираешься в правописании, скажи мне, что за имя написано на конверте.

– Никто не услышит от меня ни слова о тайнах моего хозяина, – ответил гондольер, гордо вскинув голову. – Достаточно и того, что он доверил мне это письмо, и я никогда не отважился бы даже заикнуться о чем-либо еще.

При свете луны темные глаза браво окинули собеседника таким взглядом, что у того кровь заледенела в жилах.

– Я приказываю тебе вслух прочесть имя, которое написано на конверте, – повелительно произнес Якопо. – Здесь нет никого, кроме льва и святого над нашими головами. Тебя никто не услышит.

– Праведный боже! Разве можно знать, чьи уши в Венеции слышат, а чьи остаются глухи? Если вы позволите, синьор Фронтони, то лучше отложить этот экзамен до более удобного случая.

– Меня не так легко одурачить! Прочти имя или покажи мне кольцо, чтобы я убедился, что ты послан тем, кого называешь своим хозяином. А иначе – бери назад письмо и это дело не для меня.

– Не спешите с решением, синьор Якопо, подумайте о последствиях.

– Не понимаю, какие последствия могут ожидать человека, который отказывается принять такое поручение!

– Проклятие! Синьор, ведь герцог не оставит мне ушей, чтобы слушать добрые советы папаши Баттисты!

– Что ж, герцог облегчит работу палачу, только и всего!

Сказав это, браво кинул письмо к ногам гондольера и спокойно зашагал по Пьяцетте. Джино схватил письмо и, лихорадочно стараясь припомнить кого-нибудь из знакомых своего господина, чье имя могло быть написано на конверте, побежал за браво.

– Я удивляюсь, синьор Якопо, что такой проницательный человек, как вы, не смог сразу же догадаться, что на пакете, который вручают вам, должно стоять ваше собственное имя.

Браво взял письмо и снова повернул его к свету.

– Это не так. Хотя я и не учился читать, но свое имя всегда разберу.

– Боже мой! Ведь то же самое и со мной, синьор. Будь это письмо адресовано мне, я бы в два счета догадался об этом.

– Значит, ты не умеешь читать?

– Я никогда и не говорил, что умею. Я говорил только, что немного умею писать. Грамота, как вы отлично понимаете, синьор Якопо, состоит из чтения, письма и цифр, и человек может хорошо знать одно, совсем не разбираясь в другом. Ведь необязательно быть епископом, чтобы брить голову, или ювелиром – чтобы носить бороду.

– Ты бы сразу так и сказал! Ладно, ступай, я подумаю.

Джино с радостью повернул назад, но, сделав несколько шагов, заметил женщину, которая поспешно скрылась за пьедесталом одной из гранитных колонн. Он побежал за ней следом, решив во что бы то ни стало узнать, кто подслушивал их разговор с Якопо, и убедился, что свидетельницей его беседы с браво была Аннина.

Глава IV

О нет, шары напомнят мне о том,

Что на пути у нас стоят преграды

И что удары мне судьба готовит.

Хотя на главных площадях Венеции в этот час царило веселье, в остальной части города было тихо, как в могиле. Город, в котором никогда не услышишь цоканья копыт или скрипа колес, уже одним этим отличается от других городов; к тому же особые формы правления и многолетняя привычка народа к осторожности наложили свой отпечаток даже на веселье венецианцев. Правда, и здесь молодежи случалось по временам проявить свою жизнерадостность, легкомыслие и беззаботность, и случалось это нередко, но, когда соблазны под запретом и нет никакой поддержки со стороны общества, люди неизбежно усваивают характер своего мрачного города.

Так жила бо́льшая часть Венеции в те времена, когда происходила описанная в предыдущей главе сцена на оживленной площади Святого Марка.

Луна поднялась так высоко, что ее лучи уже проникали в узкие щели между домами, освещая то тут, то там поверхность воды, которая сверкала дрожащей зыбью, а купола и башни, залитые светом, покоились в торжественном и величавом сне. Скользящие лунные лучи падали и на фасад дворца, освещая его тяжелые карнизы и массивные колонны, и мрачная тишина, царящая внутри этого здания, казалось, была ярким контрастом кричащему богатству архитектурных украшений фасада... Наше повествование привело нас теперь в один из самых богатых дворцов венецианских патрициев.

Здесь властвовали роскошь и богатство. Просторный вестибюль с массивными сводами, тяжелая и величественная мраморная лестница, комнаты, блистающие позолотой и украшенные скульптурными изваяниями, стены которых были увешаны творениями величайших художников Италии, щедро вложивших в них свой талант, – все это производило необыкновенное впечатление. Среди этих реликвий времен более счастливых, чем те, что мы описываем, знаток сразу же узнал бы кисть Тициана, Паоло Веронезе и Тинторетто – трех гигантов, которыми справедливо гордились граждане республики Святого Марка. Можно было встретить здесь и картины других художников – Беллини, Монтеньи и Пальма Веккио, которые уступали только наиболее известным колористам венецианской школы. В простенках между картинами сверкали огромные зеркала, а портьеры из бархата и шелка уже не в силах были соперничать со всем этим поистине царским великолепием. Прохладные полы, инкрустированные лучшим мрамором Италии и Востока и отполированные до ослепительного блеска, завершали великолепие, сочетая в себе в равной мере богатство и вкус.

Здание, два фасада которого буквально поднимались из воды, окаймляло темный внутренний двор. Скользя по его стенам, взгляд мог проникнуть и внутрь дворца, потому что многие двери его были открыты в этот час, чтобы свежий воздух с моря свободно заполнил анфилады комнат, обставленных, как было описано ранее. Всюду горели лампы, затененные абажурами, озаряя все мягким и приятным светом. Миновав гостиные и спальни, роскошь которых казалась насмешкой над обычными желаниями брэнного тела, мы теперь введем читателя в ту часть дворца, куда влечет нас ход нашего рассказа.

В удаленном от Большого канала углу здания, в той стороне, что выходила окнами на тесный, узкий канал, размещались удобные комнаты, так же богато обставленные, но гораздо более пригодные для жилья. Здесь тоже висели портьеры из драгоценнейшего бархата и огромные зеркала безупречного стекла, полы были выложены мрамором таких же веселых и приятных тонов, а стены украшены картинами. Но все это, в отличие от других помещений дворца, было смягчено домашним уютом. Гобелены и занавеси свисали небрежными складками, на кроватях можно было спать, а картины на стенах были лишь искусными копиями, и писала их молодая девушка, заполнявшая свой досуг этим благородным и прекрасным занятием.

Прекрасна была и сама она, рано научившаяся передавать в искусных подражаниях божественную выразительность Рафаэля или яркость красок Тициана. В этот час уединения она беседовала со своим духовным отцом и наставницей, которая давно уже заменяла ей умершую мать. Хозяйка дворца была настолько юной, что во многих северных странах ее считали бы еще девочкой, но в ее родной стране молодые девушки ее возраста считались уже взрослыми.

– За этот добрый совет благодарю вас, падре, а мудрая донна Флоринда, вероятно, еще более вам благодарна, потому что ваше мнение настолько схоже с ее собственным, что я иногда просто восхищаюсь теми тайными путями, какими опыт заставляет мудрых и добрых мыслить так одинаково даже в деле, таком далеком для вас обоих.

Едва заметная усмешка тронула тонкие губы кармелита, когда он услышал наивное замечание своей воспитанницы.

– Когда и тебя умудрят годы, дитя мое, ты узнаешь, – ответил он, – что все дела, меньше всего касающиеся наших страстей и интересов, нам легче всего решать благоразумно и беспристрастно. Донна Флоринда еще не в том возрасте, когда сердце подчинено рассудку, и многое еще связывает ее с миром, но все же она сумеет убедить тебя в правоте моих слов, или я сильно ошибаюсь в ее благоразумии, которое до сих пор указывало ей правильный путь в жизни, этом греховном путешествии, на которое мы все обречены.

Хотя монах уже накинул свой капюшон, видимо собираясь уходить, и хотя дружелюбный взгляд его глубоко посаженных глаз был все время устремлен на прекрасное лицо юной воспитанницы, кровь прилила к бледным щекам донны Флоринды, когда она услышала слова похвалы от кармелита, – словно хмурое зимнее небо озарилось внезапно лучами заходящего солнца.

– Мне кажется, Виолетта слышит это уже не впервые, – робко сказала она дрожащим голосом.

– Я думаю, меня научили уже почти всему, что может быть полезно такой неопытной девушке, как я, – быстро ответила Виолетта, невольно протягивая руки к своей верной наставнице и в то же время не отводя взгляда от лица кармелита. – Но почему сенат распоряжается судьбой девушки, если она удовлетворена своей жизнью, если она счастлива и довольна своим уединением, вполне приличествующим ее возрасту и званию?

– Время безжалостно стремится вперед, и разве может такое невинное существо, как ты, предугадать все испытания и беды, подстерегающие нас в более зрелом возрасте! Жизнь – одна из не зависящих от нас и иногда очень тяжелых обязанностей. Ты ведь знаешь, какую политику проводит государство, создавшее себе славное имя великими военными походами, богатством и широким влиянием на другие страны. В Венеции есть закон, который запрещает родниться с иностранцами тем, кому дороги ее интересы, так как прежде всего каждый должен преданно служить республике. Таким образом, патриций Святого Марка не может владеть землей в других странах, а отпрыск такого старинного и почитаемого рода, как твой, не может выйти замуж за иностранца, хотя бы и благородной фамилии, без благословения и согласия тех, кто призван заботиться о всеобщем благе.

– Если бы я родилась среди простых людей, этого бы не случилось. Мне кажется, что несчастна та женщина, участь которой составляет особую заботу Совета

десяти!

– Слова твои неосторожны и, с грустью должен сказать, неблагочестивы. Наш долг повелевает нам подчиняться земным законам, но еще более, чем долг, благочестие учит нас не роптать на волю Провидения. К тому же твоя обида не так велика, чтобы роптать, дочь моя; ты молода, богатство твое может удовлетворить любую твою прихоть, твой род так знатен, что может вызвать недостойную мирскую гордыню, и ты так красива, что красота твоя может стать твоим самым опасным врагом. И ты еще ропщешь на судьбу, которой неизбежно должны покориться все женщины твоего сословия.

– Я уже раскаиваюсь, – ответила донна Виолетта, – что роптала на Провидение, но все-таки шестнадцатилетней девушке было бы приятнее, если бы отцы государства, занятые гораздо более важными делами, забыли о ее происхождении, возрасте и злополучном ее богатстве.

– Нет никакой добродетели в том, чтобы быть довольным миром, устроенным по нашим собственным капризам. И не знаю, кто счастливее: тот, кто имеет все, чего желает, или тот, кто вынужден довольствоваться тем, что есть. А заботливость, которую проявляет к тебе республика, – это цена за покой и роскошь, окружающие тебя. Женщина неизвестная и не столь богатая, как ты, могла бы, конечно, наслаждаться большей свободой, но ей бы не сопутствовала в жизни та пышность, что украшает жилище твоих предков.

– Мне бы хотелось, чтобы здесь, в этих стенах, было поменьше роскоши и побольше свободы.

– Со временем ты будешь думать иначе. В твоем возрасте люди обычно видят все в розовом свете или, наоборот, считают свою жизнь никчемной и бесполезной, ибо их желания не удовлетворены. Я признаю, однако, что тебе выпала нелегкая доля. Политика Венеции расчетлива, и многие называют ее жестокой. – Кармелит понизил голос и невольно огляделся вокруг, прежде чем закончить свою мысль: – Осторожность сената заставляет его не допускать, насколько это возможно, объединения интересов, не только противоречащих друг другу, но и опасных для государства. Поэтому никто, начиная от сенатора, не может, как я уже тебе говорил, иметь владения за пределами республики, а лица знатного происхождения не могут связать себя узами брака с иностранцами, пользующимися опасным влиянием, если на то не будет согласия республики. Это касается и тебя, потому что среди нескольких иноземных

лордов, которые ищут твоей руки, Совет не нашел ни одного, кому можно было бы оказать эту честь, не опасаясь создать новое влияние здесь, в центре каналов, которое нельзя предоставить иностранцу. У донна Камилло Монфорте, кому ты обязана жизнью и о ком ты недавно говорила с такой признательностью, во всяком случае, больше причин роптать на эти суровые законы, чем у тебя.

– Меня бы очень огорчило, если бы человек, проявивший столько мужества, спасая меня, был тоже бессилён перед лицом их жестоких законов, – с живостью ответила Виолетта. – Но что привело герцога святой Агаты в Венецию так счастливо для меня, если благодарная ему девушка вправе спрашивать об этом?..

– Твой интерес к нему естествен и похвален, – ответил кармелит с тем простодушием, которое делало честь скорее его сутане, чем наблюдательности. – Он молод и избалован судьбой и, конечно, подвержен всем слабостям своего возраста. Не забывай его в своих молитвах, дочь моя; таким образом ты хоть немного отблаговаришь его. Его светские похождения всем известны в городе, и ты ничего не знаешь об этом только потому, что живешь в уединении.

– У моей воспитанницы есть более интересные занятия, чем думать о молодом незнакомце, приезжающем в Венецию ради походов, – мягко заметила донна Флоринда.

– Но, если я должна о нем молиться, падре, мне необходимо знать, что ему нужнее всего.

– Мне бы хотелось, чтобы ты молилась только о его духовных нуждах. Говоря откровенно, у него есть все, чего может желать человек, хотя тот, кто много имеет, обычно желает большего. Предок донна Камилло, кажется, был когда-то сенатором Венеции, но после смерти одного из своих родственников он унаследовал много земель в Калабрии. Потом эти земли по особому указу за большие заслуги перед правительством получил его младший сын, а старший унаследовал титул сенатора и состояние отца в Венеции. Со временем ветвь старшего сына заглохла, и дон Камилло вот уже много лет добивается в сенате тех прав, от которых когда-то отрекся его предшественник.

- И они могут ему отказать?

- Его требования влекут за собой исключение из установленных законов. Но, если бы он отрекся от своих владений в Калабрии, он проиграл бы больше, чем выиграл. Владеть же и тем и другим - значит нарушить закон, который не терпит нарушений. Я плохо знаю светскую жизнь, дитя, но враги республики говорят, что ей нелегко служить, потому что за каждую подобную милость она требует возмещения сторицей.

- Разве это справедливо? Если дон Камилло предъявляет свои права на дворцы на канале или на земли, если он требует почестей от правительства или голоса в сенате, следовало бы вернуть ему все это, иначе в конце концов скажут, что республика не доказывает на деле тех своих великих добродетелей, какими кичится.

- Ты очень наивно рассуждаешь, дитя мое. Человеческой натуре свойственно отделять свой общественный долг от ответственности за личные свои дела. Как будто Бог, наградив человека разумом и великими надеждами христианства, вселил в него также две души, из которых нужно заботиться только об одной.

- Неужели люди не понимают, что каждый человек сам в ответе за свои грехи, а грех, совершенный государством, падает на всю нацию?

- Гордыня человеческого разума изобретает всевозможные уловки для удовлетворения своих страстей. Но это заблуждение - самое роковое! Преступление, которое бросает тень на других или пагубно для других, - вдвойне преступление; и, хотя грех влечет за собой возмездие даже на этом свете, тот, кто надеется на прощение потому, что грех его не очень велик, надеется тщетно. Наше спасение в том, чтобы устоять перед соблазном, и только тот в безопасности, кто дальше всех ушел от обольщений мира и его пороков. И, хотя я желал бы только справедливости для достойного неаполитанца, боюсь, что лишнее богатство может помешать спасению его души.

- А я не могу поверить, падре, что человек, который с такой готовностью пришел на помощь ближнему в несчастье, станет злоупотреблять дарами судьбы.

Кармелит с беспокойством взглянул на прекрасное лицо юной венецианки. В этом взгляде смешались отеческая заботливость и пророческое предчувствие, но из глаз девушки глядела ее чистая душа, и это его успокоило.

– Благодарность твоему спасителю – твоя святая обязанность, твой долг. Береги это чувство, оно сродни святой обязанности человека – благодарности его Создателю.

– Разве достаточно только чувствовать себя благодарной? – горячо воскликнула Виолетта. – С моим именем и связями можно сделать больше. Мы можем расположить патрициев моего рода в пользу иностранца, и тогда его просьба может быть удовлетворена скорее.

– Будь осторожна, дочь моя! Вмешательство того, в ком так заинтересована республика Святого Марка, может увеличить число врагов, а не друзей дона Камилло.

Виолетта молчала, а монах и донна Флоринда с любовью и тревогой смотрели на нее. Потом монах надвинул на глаза свой капюшон и собрался уходить. Благородная девушка подошла к нему и, доверчиво глядя ему в глаза, с привычной почтительностью попросила благословить ее. Когда эта торжественная церемония была окончена, кармелит повернулся к наставнице своей духовной дочери. Та отложила кусок шелка, по которому усердно вышивала, и сидела в благоговейном молчании, пока монах держал руки над ее склоненной головой. Губы его шевелились, но слов благословения не было слышно. Будь девушка, врученная их совместной заботе, менее занята своими мыслями или более искушена в делах того мира, в который собиралась войти, возможно, она бы заметила ту глубокую, но сдерживаемую симпатию, что так часто проскальзывала в молчаливых сценах между ее духовным отцом и наставницей.

– Не забывайте о нас, падре, – сказала Виолетта с подкупающей искренностью. – Сирота, чьей судьбой так живо интересуется республика, очень нуждается в настоящих друзьях.

– Благослови Бог всех твоих заступников, – сказал монах, – и да пребудет душа твоя в мире.

Он еще раз взмахнул рукой и, повернувшись, медленно вышел из комнаты. Донна Флоринда не отрывала взгляда от белых одежд монаха, пока он не скрылся из вида, а когда она вернулась к вышиванию, она на мгновение закрыла глаза, словно прислушиваясь к уккоризненному голосу разума.

Молодая хозяйка дворца позвала слугу и приказала ему со всеми почестями проводить духовника в его гондолу. Затем она вышла на балкон и долго стояла там в молчании. В этот час прекрасный итальянский город отдыхал, погруженный в задумчивость, объятый тишиной и овеваемый легким ветром. Вдруг Виолетта в тревоге отпрянула назад.

- Что там такое, лодка? - спросила донна Флоринда, невольно заметившая это движение.

- Нет, вода внизу спокойна. Но ты слышишь звуки гобоя?

- Разве они так необычны на каналах, что напугали тебя?

- Но там, внизу, под окнами дворца Ментони - кавалеры! Они поют серенаду моей подруге Оливии!

- Такая галантность здесь не редкость. Ты ведь знаешь, что Оливия скоро соединится со своим женихом; вот он и выражает свою любовь, как принято здесь.

- А тебе не кажется, что публичное признание в любви неприятно? Если бы я была невестой, мне бы хотелось, чтобы слова любви предназначались только для моих ушей.

- Какое неподходящее настроение у той, чья рука - подарок сената! Боюсь, что такой знатной девушке, как ты, предстоит услышать, как кавалеры будут превозносить ее красоту и воспевать ее добродетели даже при помощи каких-нибудь наемных певцов!

- Хоть бы они скорее кончили! - воскликнула Виолетта, затыкая уши. - Никто не знает достоинств моей подруги лучше меня, но это публичное излияние таких интимных чувств, наверное, ее обидит.

– Ты можешь снова выйти на балкон, музыка прекратилась.

– Вот теперь я слышу, как у Риальто поют гондольеры. Эти песни я очень люблю. Приятные сами по себе, они не оскорбляют наших сокровенных чувств. Не хочешь ли покататься по каналам, моя Флоринда?

– А куда бы ты хотела поехать?

– Я не знаю, но вечер так прекрасен, что мне хочется слиться с его очарованием и насладиться прогулкой по каналам.

– А в это время многие тысячи на каналах страстно желали бы слиться с очарованием твоего дворца и насладиться прогулкой по его комнатам... Такова жизнь! Все мы мало дорожим тем, чем владеем, а то, чего у нас нет, представляется нам бесценным.

– Я должна побывать у своего опекуна, – сказала Виолетта. – Мы поедем к нему во дворец.

Хотя донна Флоринда и высказала такую серьезную мысль, суровости в ее голосе не было. Отложив в сторону работу, она приготовилась исполнить желание своей воспитанницы. В этот час люди высшего общества и всех других сословий обычно совершали прогулки; ведь Венеция с ее веселыми толпами да и вся Италия с ее мягким климатом неудержимо влекли людей насладиться вечерней прохладой каналов.

Позвали слугу, тот вызвал гондольеров, и дамы, завернувшись в мантильи и захватив с собой маски, быстро спустились в гондолу, ожидавшую их у подъезда дворца.

Глава V

...Если

Твой повелитель хочет, чтоб царица

Просила подаянья, то скажи,
Что подаянья меньшего, чем царство,
Просить не подобает государям.

Шекспир. «Антоний и Клеопатра»

Скользя плавно и бесшумно, гондола вскоре доставила прекрасную венецианку и ее наставницу к водным воротам дома знатного господина, которому сенат оказал высокое доверие, назначив его опекуном богатой наследницы. Это была особенно мрачная резиденция, отличавшаяся пышной и величавой роскошью, столь характерной для жилищ патрициев этого богатейшего и гордого города. Размеры и архитектура дворца хотя и не производили такого впечатления, какое оставлял дворец донны Виолетты, однако здание это относилось к лучшим постройкам города, а убранство его фасадов говорило, что владелец его – один из знатнейших патрициев республики. Бесшумные шаги и молчаливая подозрительность обитателей этих великолепных и мрачных покоев как бы воссоздавали в миниатюре образ самой республики.

Обе посетительницы не впервые переступали порог дворца синьора Градениго – ибо таково было имя его владельца – и потому поднялись по массивной лестнице, не обращая внимания на особенности конструкции здания, которые, несомненно, вызвали бы интерес незнакомца, впервые попавшего сюда.

Знатность донны Виолетты и ее положение в этом доме обещали ей неизменно радушный прием; пока слуги, низко кланяясь, вели ее наверх, кто-то уже успел известить хозяина о ее приезде. Однако перед кабинетом своего опекуна Виолетта остановилась, не решаясь нарушить его покой и уединение. Но старый сенатор, извещенный о ее приходе, поспешно вышел из кабинета и приветствовал девушку с подобающей опекуну любезностью. Лицо старого патриция, на котором думы и заботы оставили не меньше морщин, чем годы, осветилось неподдельной радостью, когда он увидел свою прекрасную воспитанницу. Он не хотел и слушать ее извинений за неурочное вторжение и, приглашая к себе в кабинет, галантно заявил, что она оказала ему честь своим визитом и что только ей, с ее особой деликатностью, этот час мог показаться неурочным.

– Для тебя не может быть неурочного времени, ибо ты дитя моего старейшего друга и к тому же о тебе очень заботится государство, – сказал он. – Двери дворца Градениго всегда готовы распахнуться даже в самый поздний час, чтобы принять такую гостью. Да и час, избранный тобой для прогулки по каналам, очень хорош для людей твоего круга, которые обычно именно в это время выезжают подышать свежим ночным воздухом. Если бы мой дом не был всегда открыт для тебя, то какой-либо невинный каприз, естественный для твоих лет, остался бы неудовлетворенным. Ах, донна Флоринда, я молю Бога, чтобы мы своей любовью – или слабостью? – к этой девушке не нанесли ей вреда.

– За любовь и ласку я благодарю вас обоих, – ответила Виолетта. – Но я боюсь своими пустячными просьбами отнять у вас драгоценное время, которое вы отдаете служению республике.

– Ты переоцениваешь важность моих дел. Я действительно иногда посещаю Совет трехсот, но мой преклонный возраст и пошатнувшееся здоровье не позволяют мне служить республике так, как я бы хотел. Слава святому Марку, нашему покровителю, – для нас дела республики складываются не так уж плохо. Мы расправились с последними язычниками, наш договор с императором нам не в убыток, а гнев церкви за нашу мнимую покорность смягчился. Этим мы в какой-то степени обязаны молодому неаполитанцу, который сейчас здесь, в Венеции. У него прочные связи с папским престолом, потому что его дядя – кардинал-секретарь. А ведь через влиятельных друзей можно сделать много добра. В этом я вижу секрет настоящего благополучия Венеции. То, чего нельзя добиться силой, может быть достигнуто с помощью дружеской поддержки и мудрой выдержки.

– Ваши слова дают мне смелость снова обратиться к вам с просьбой. Должна признаться, что мной руководило не одно лишь желание увидеть вас. Мне хотелось просить вас употребить ваше влияние в пользу одного справедливого дела.

– Подумать только! Я вижу, донна Флоринда, наша юная воспитанница унаследовала от своей семьи не только богатство и знатность, но и обычай покровительствовать и защищать! Но мы ведь не против этого ее качества, потому что побуждения ее самые похвальные, и, если им пользоваться с осторожностью, оно может послужить только на пользу ей самой, ибо оно укрепляет знатность и могущество людей.

– К тому же, – негромко добавила донна Флоринда, – можно сказать, что, проявляя заботу о менее удачливых, богатые и счастливые тем самым не только выполняют свой долг, но и благотворно действуют на души людей.

– Несомненно! Ничто не может принести столько пользы обществу, как правильное понимание всеми его гражданами своих обязанностей и своего долга по отношению друг к другу. Я полностью разделяю это мнение и надеюсь, моя воспитанница следует моему примеру.

– Она счастлива, что у нее такие учителя, которые так искусно и так охотно передают ей необходимые знания, – ответила Виолетта. – Но теперь, после такого вступления, могу ли я надеяться, что сенатор Градениго выслушает мою просьбу?

– Я всегда охотно выполняю твои невинные желания. Хочу только заметить, что иногда щедрые и увлекающиеся натуры все свое внимание сосредоточивают на каком-нибудь отдаленном предмете, не замечая, что вокруг есть иные, не только более близкие и более важные, но и более доступные. Делая добро одному, мы должны быть осторожны, чтобы не повредить многим. Вероятно, тот, за кого ты хлопчешь, родственник кого-либо из твоих слуг, который неосмотрительно завербовался в солдаты?

– Если бы это случилось, я надеюсь, что у рекрута хватит мужества не посрамить чести знамени.

– Может быть, твоя кормилица, которая тебя вырастила и, конечно, этого не забывает, просит устроить кого-то из родни на службу?

– Мне кажется, все члены этой семьи давно уже пристроены, – смеясь, сказала Виолетта, – осталась разве что сама кормилица. Не устроить ли и ее на какое-нибудь почетное место?.. Нет, ни за кого из них я не хлопочу.

– Тогда, может быть, просьбы о помощи опустошили твой кошелек? Или, может быть, женские капризы в последнее время очень дорого стоят?

– Нет, нет! Я не нуждаюсь в деньгах, ибо ни одна девушка в моем возрасте не умеет должным образом хранить свое состояние. Я пришла к вам с более серьезной просьбой, чем вы думаете.

– Я надеюсь, никто из тех, к кому ты благоволишь, не оскорбил тебя неосторожным словом! – воскликнул синьор Градениго, бросая быстрый подозрительный взгляд на воспитанницу.

– Если бы кто-либо оказался так неосмотрителен, он понес бы должное наказание.

– Меня радует твой ответ. В наш век появилось слишком много новых убеждений, и их нужно искоренять любыми средствами. Если бы сенат пропускать мимо ушей все эти новые сумасбродные теории, порожденные легкомыслием и тщеславием, они легко нашли бы путь к беззаботным умам невежественных и праздных людей. Проси сколько угодно денег, но не пытайся склонить меня к помилованию того, кто нарушает общественный покой!

– Мне не нужны деньги. Моя просьба более благородного свойства.

– Скажи мне ясно, без загадок, о чем ты просишь.

Теперь уже ничто не мешало Виолетте высказать свою просьбу, но она все не могла решиться произнести ее вслух. Лицо ее то вспыхивало, то бледнело, и она умоляюще поглядывала на свою насторожившуюся и недоумевающую наставницу. Ничего не зная о намерениях Виолетты, донна Флоринда могла только ласковым взглядом подбодрить ее, ибо в такой поддержке ни одна женщина никогда не откажет другой представительнице своего пола. Виолетта наконец поборола смущение и, сама смеясь над своим волнением, продолжала:

– Вам известно, синьор Градениго, – сказала она высокомерно, что тоже казалось странным, хотя и более понятным, чем волнение, минуту назад мешавшее ей говорить, – что я – последний отпрыск древнего венецианского рода, прославленного столетиями.

– Так гласит история.

– Что я ношу славное имя своих предков и должна сохранить его незапятнанным.

– Эта истина, которую едва ли нужно объяснять, – сухо ответил сенатор.

– И что я, несмотря на происхождение и богатство, дарованные мне судьбой, не отблагодарила за оказанное мне благодеяние в той мере, как этого требует честь дома Тьеполо.

– Это и в самом деле серьезно. Донна Флоринда, наша воспитанница взволнована и говорит невразумительно, поэтому я хотел бы получить объяснение от вас. Ей не подобает принимать благодеяния от кого бы то ни было.

– Я ничего не знаю и могу только догадываться, – скромно ответила наставница, – но я думаю, что она имеет в виду спасение ее жизни.

Лицо синьора Градениго помрачнело.

– Теперь я понимаю, – холодно произнес он. – Это правда, неаполитанец проявил готовность спасти тебя, когда несчастье постигло твоего дядю из Флоренции, но ведь дон Камилло Монфорте не какой-нибудь гондольер, и его нельзя вознаградить так же, как того, кто выудил со дна безделушку, упавшую с гондолы. Ты уже поблагодарила его. Я уверен, что в подобном случае этого вполне достаточно для такой знатной девушки, как ты.

– Да, я поблагодарила его, и поблагодарила от всей души, – горячо воскликнула Виолетта. – И если я забуду его помощь, то пусть Пресвятая Мария и добрые наши святые покровители забудут меня!

– Мне кажется, синьора Флоринда, что ваша воспитанница проводит слишком много времени за чтением романов в библиотеке ее покойного отца, вместо того чтобы читать требник.

Глаза Виолетты сверкнули, и она обняла свою спутницу, как бы защищая ее. Наставница опустила на лицо вуаль, но ничего не ответила.

– Синьор Градениго, – сказала юная наследница, – возможно, я не заслуживаю похвалы своих учителей, но, если ученица ленива, это не их вина. К тому же я прошу сейчас за человека, которому обязана жизнью, – это ли не доказательство того, что учение христианской церкви преподавалось мне неустанно? Дон Камилло Монфорте давно и безуспешно хлопочет о своем деле, и требование его так справедливо, что даже если бы не было иных оснований удовлетворить его,

то сами принципы Венецианской республики должны были бы подсказать сенаторам, что промедление опасно.

– Вероятно, моя воспитанница проводит свой досуг с докторами из Падуи. Республика имеет свои законы, и ни одна справедливая просьба не остается тщетной. Я не осуждаю тебя за чувство благодарности – оно достойно твоего происхождения и твоего будущего, – и все же, донна Виолетта, мы должны помнить, как трудно иногда отсеять правду от обмана и хитроумного коварства. И судья должен прежде всего быть уверен, что его решение в пользу одного человека не ущемит законных прав других людей.

– Но ведь сенаторы попирают его права! Он родился в Неаполе, и потому его заставляют отказаться от всех владений на родине, а они гораздо больше и богаче тех, которых он добивается здесь. Он попусту тратит жизнь и молодость в погоне за призраком! Вы пользуетесь большим влиянием в сенате, синьор, и, если бы вы оказали ему поддержку своим могущественным голосом и силой убеждения, дворянину была бы оказана справедливость, а Венеция, потеряв какой-то пустяк, поддержала бы свой престиж, о котором она так заботится!

– Ты отличный адвокат. Я подумаю, что тут можно сделать, – сказал синьор Градениго. Выражение лица его изменилось, мрачная настороженность уступила место ласковой улыбке: он умел придавать лицу нужное выражение в зависимости от обстоятельств – искусство, приобретенное большой практикой. – Теперь мне по долгу судьи следовало бы выслушать самого неаполитанца, но его услуга тебе и моя к тебе слабость поручкой тому, что ты своего добьешься.

Донна Виолетта приняла это обещание со светлой и простодушной улыбкой. Она поцеловала протянутую ей руку с таким жаром, что ее пронизательный опекун снова не на шутку встревожился.

– Ты слишком очаровательна, чтобы перед тобой мог устоять даже такой искушенный человек, как я, – добавил он. – Молодые и великодушные верят, что все в жизни должно складываться соответственно их наивным желаниям, не правда ли, донна Флоринда? Что же касается прав донна Камилло... Но все равно, раз ты этого хочешь, дело будет рассмотрено с той беспристрастностью и слепотой[13 - Здесь игра слов: намек на принятый обычай изображать богиню правосудия с завязанными глазами и с весами в руках.], которую считают недостатком нашего правосудия.

– Я всегда думала, что эта аллегория означает: «Слепы к пристрастию, но не бесчувственны к правам».

– Боюсь, что как раз чувство может убить наши надежды... Впрочем, посмотрим. Надеюсь, мой сын за последнее время проявил к тебе больше должного уважения? Я знаю, мальчика не придется уговаривать оказать честь моей воспитаннице, красивейшей девушке Венеции. Ты уж прими его как друга ради любви к его отцу.

Донна Виолетта с подобающей сдержанностью присела в поклоне.

– Двери моего дворца всегда открыты для синьора Джакомо, когда этого требуют вежливость и приличие, – холодно сказала она. – Сын моего опекуна не может не быть почетным гостем в моем доме.

– Я бы заставил его быть внимательным... и даже больше... мне бы хотелось, чтобы он доказал тебе хоть малую долю того глубокого уважения... Впрочем, люди здесь завистливы, донна Флоринда, и у нас осторожность – высшая добродетель. И если юноша не так пылок и настойчив, как мне бы хотелось, то поверьте, это только из боязни преждевременно вызвать подозрительность тех, кто интересуется судьбой нашей воспитанницы.

Обе женщины поклонились и плотнее завернулись в свои мантильи, явно собираясь уходить. Донна Виолетта попросила благословения и, получив его, обменялась с хозяином дома несколькими вежливыми фразами, а затем вместе со своей спутницей вернулась в гондолу.

Синьор Градениго некоторое время молча шагал по кабинету, в котором он принимал свою воспитанницу. Во всем огромном дворце не было слышно ни звука; тишина и настороженность царили в нем, словно в это жилище прокрались тишина и настороженность города. Наконец сенатор увидел через открытые двери молодого человека, в чертах и манерах которого можно было безошибочно узнать светского гуляку и кутилу. Он слонялся по комнатам, пока сенатор не приказал ему подойти.

– Тебе, как всегда, не повезло, Джакомо, – сказал сенатор с упреком и отеческой лаской в голосе. – Донна Виолетта удалилась отсюда всего лишь минуту назад, а тебя не было. Какая-нибудь недостойная интрижка с дочерью ювелира или, что

еще хуже, сделка с ее отцом отнимают все твое время, которое можно было бы употребить гораздо лучше и выгоднее.

- Ты несправедлив ко мне, - ответил юноша, - ни ювелира, ни его дочери я сегодня не видел.

- Это из ряда вон выходящее событие! Моя опека над донной Виолеттой предоставляет нам очень удобный случай, и я хотел бы знать, Джакомо, удастся ли тебе им воспользоваться и достаточно ли ясно ты понимаешь всю важность этого моего совета.

- Будьте спокойны, отец. Тому, кто, как я, страдает от отсутствия звонкого металла, которого у донны Виолетты более чем достаточно, не нужно никаких напоминаний на этот счет. Отказав мне в карманных деньгах, вы, отец, вынудили меня согласиться на ваш план. Ни один дурак во всей Венеции не вздыхает под окнами своей возлюбленной красноречивее меня. Когда у меня подходящее настроение, я не пропускаю ни одного удобного случая, чтобы выразить свои нежные чувства.

- Знаешь ли ты, как опасно вызвать подозрения сената?

- Не тревожьтесь, отец. Я действую тайно и с большой осторожностью. Мои мысли и лицо привыкли к маске - жизнь научила меня носить ее. При моем легкомысленном характере невозможно не быть двуличным.

- Ты говоришь так, неблагодарный мальчишка, словно я отказываю тебе в том, что приличествует твоему возрасту и званию! Я ограничиваю лишь твое мотовство. Впрочем, сейчас я не хочу упрекать тебя, Джакомо. Знай, у тебя есть соперник - иноземец. Он завоевал благосклонность девушки после случая на Джудекке, и она, как все пылкие и щедрые натуры, ничего о нем не зная, наделила его всеми достоинствами, какие ей могло подсказать воображение.

- Желал бы я, чтобы она и меня наделила этими достоинствами!

- С тобой другое дело; тут надо не придумывать достоинства, а забыть те, которыми ты обладаешь. Кстати, ты не забыл предупредить Совет об опасности, угрожающей нашей наследнице?

– Нет, не забыл.

– И каким образом?

– Самым простым и самым надежным – через Львиную пасть.

– Гм!.. Это действительно дерзкий поступок.

– И, как все дерзкие и рискованные поступки, самый надежный. Наконец-то фортуна мне улыбнулась! Я оставил в Львиной пасти веское доказательство – кольцо с печатью неаполитанского герцога!

– Джакомо! Понимаешь ли ты, как это опрометчиво и рискованно? Я надеюсь, они не узнают твоего почерка. И как ты раздобыл этот перстень?

– Отец, хоть я иногда и пренебрегал твоими наставлениями в мелочах, зато все твои предостережения в делах политических я помню. Неаполитанец обвинен, и если твой Совет не подведет, то иностранец окажется под подозрением, а может, его и вообще вышлют из Венеции.

– Совет трех исполнит свой долг, в этом сомневаться нечего. Хотел бы я быть так же уверен в том, что твое безрассудное усердие не повлечет за собой нежелательных последствий!

Молодой человек секунду глядел на отца, как бы разделяя его сомнения, а затем беззаботно отправился к себе – предательство и лицемерие были его спутниками с юных лет, и он не привык задумываться над своими поступками.

Оставшись один, сенатор принялся расхаживать из угла в угол, но видно было, что он очень встревожен. Он часто потирал лоб рукой, словно размышления причиняли ему боль. Занятый своими мыслями, он не заметил, как кто-то неслышно прокрался вдоль длинного ряда комнат и остановился в дверях кабинета.

Человек этот был уже далеко не молод. Лицо его потемнело от солнца, а волосы поредели и поседели. По бедной и грубой одежде в нем можно было узнать рыбака. Но в смелом взгляде и резких чертах лица светились живой ум и

благородство, а мускулы его голых рук и ног все еще свидетельствовали о большой физической силе. Он долго стоял в дверях, вертя в руках шапку, с привычным уважением, но без подобострастия, пока сенатор его не заметил.

– А, это ты, Антонио! – воскликнул хозяин дома, когда глаза их встретились. – Что привело тебя сюда?

– У меня тяжело на сердце, синьор.

– Так неужели у рыбака нет покровителя? Наверно, сирокко опять взволновал воды залива и твои сети оказались пустыми. Возьми вот... Мой молочный брат не должен испытывать нужды.

Рыбак гордо отступил на шаг, всем своим видом показывая, что решительно отказывается принять милостыню.

– Синьор, с тех пор как мы сосали молоко из одной груди, прошло очень много лет, но слышали ли вы хоть раз, что я просил подаяния?

– Да, это не в твоём характере, Антонио, что правда, то правда. Но время побеждает нашу гордость и наши силы. Если не денег, то чего же ты просишь?

– Есть и другие нужды, кроме нужд телесных. Есть другие страдания, кроме голода.

Лицо сенатора помрачнело. Он испытующе взглянул на своего молочного брата и, прежде чем ответить, затворил дверь.

– Ты, видно, опять чем-то недоволен. Ты привык толковать о предметах и вопросах, которые выше твоего разумения, и ты знаешь, что твои убеждения уже навлекли на тебя недовольство. Невежды и люди низшего класса для государства – все равно что дети, и их долг – повиноваться, а не возражать. Так в чем же дело?

– Не таков я, синьор, как вы думаете. Я привык к нужде и бедности и удовлетворяюсь малым. Сенат – мой хозяин, и потому я его уважаю, но ведь и рыбак может чувствовать так же, как и дож.

– Ну вот, опять! Уж очень ты многого хочешь! Ты говоришь о своих чувствах при всяком удобном случае, словно это главная забота в жизни.

– Для меня это так и есть, синьор! Правда, я большей частью думаю о своих собственных нуждах, но не забываю и о бедах тех, кого я уважаю. Когда ваша молодая и прекрасная дочь была призвана Богом на небеса, я страдал так, как если бы умер мой собственный ребенок. Но, как вы хорошо знаете, синьор, Богу не угодно было избавить и меня от боли подобных утрат.

– Ты добрый человек, Антонио, – ответил сенатор, делая вид, что украдкой смахивает слезу. – Для твоего сословия ты честный и гордый человек!

– Та, что вскормила нас с вами, синьор, часто говорила мне, что мой долг – любить как родную вашу благородную семью, которую она помогла вырастить. Я не ставлю себе в заслугу такую любовь, это дар Божий, но именно поэтому государство не должно шутить ею.

– Снова государство? Говори, в чем дело.

– Вам известна история моей скромной жизни, синьор. Мне не нужно говорить вам о моих сыновьях, которых Богу сначала угодно было, по милости Девы Марии и святого Антония, даровать мне, а потом так же взять их к себе одного за другим.

– Да, ты познал горе, бедный Антонио. Я хорошо помню, как ты страдал.

– Очень, синьор; смерть пяти славных, честных сыновей! Такой удар исторгнет стон даже из утеса. Но я всегда смирялся и не роптал на Бога.

– Ты достойный человек, рыбак! Сам дож мог бы позавидовать твоему смирению. Но иногда бывает легче перенести утрату ребенка, чем видеть его жизнь, Антонио!

– Синьор, если мои мальчики и причиняли мне горе, то только в тот час, когда смерть уносила их. И даже тогда, – старик отвернулся, стараясь скрыть волнение, – я утешал себя мыслью, что там, где нет тяжелого труда, страданий и лишений, им будет лучше.

Губы синьора Градениго задрожали, и он быстро прошелся по комнате.

– Мне помнится, Антонио, – сказал он, – помнится, добрый Антонио, что я как будто заказывал молебны за упокой души всех твоих сыновей?

– Да, синьор! Святой Антоний не забудет вашу доброту. Но я ошибся, говоря, что только смертью сыновья приносили мне горе. Есть еще большее горе, которого не знают богатые, – это горе быть слишком бедным, чтобы купить молитву за упокой души ребенка!

– Ты хочешь заказать молитву? Ни один твой сын никогда не будет страдать в Царствии Божием, за упокой его души всегда будет отслужен молебен.

– Спасибо вам, синьор, но я верю, что все всегда к лучшему, а больше всего верю в милосердие Божие. Сегодня я хлопочу о живых.

Сочувствующий взгляд сенатора сразу стал недоверчивым и подозрительным.

– Ты хлопочешь? – переспросил он.

– Я умоляю вас, синьор, спасти моего внука от службы на галерах. Они забрали мальчика – а ему еще только четырнадцать лет – и посылают воевать с нехристями, забывая о его возрасте и о зле, которое они причиняют, не думая о моих преклонных летах и одиночестве, да и вопреки справедливости – ведь его отец был убит в последнем сражении с турками.

Замолчав, рыбак взглянул на окаменевшее лицо сенатора, тщетно стараясь уловить впечатление, произведенное его словами. Но лицо сенатора оставалось холодным, безответным, на нем не отразились никакие человеческие чувства. Бездушные, расчет и лицемерная политика государства всюду, где дело касалось морской мощи республики, давно убили в нем все чувства. Малейший пустяк казался ему грозной опасностью, а разум его привык оставаться безучастным к любым мольбам, если это могло нарушить интересы государства или если речь шла о служении народа республике Святого Марка.

– Мне было бы приятнее, попроси ты меня заказать молитву или дать тебе золота, что угодно, только не это, Антонио, – сказал он после минутного

молчания. – Мальчик все время был с тобой, с самого рождения?

– Да, синьор, так оно и было, ведь он сирота; и мне бы хотелось оставаться с ним до тех пор, пока он не сможет сам начать жить, вооруженный честностью и верой, которые уберегут его от зла. И, если бы сейчас был жив мой храбрый сын, убитый на войне, он не просил бы для мальчика у судьбы ничего, кроме совета и помощи, – их ведь даже бедняк имеет право дать своей плоти и крови.

– Но твой внук в том же положении, что и другие, и ты ведь знаешь – республика нуждается в каждом человеке.

– Синьор мой, когда я шел сюда, я видел синьора Джакомо, вышедшего из гондолы.

– Это еще что такое! Разве ты забыл разницу между сыном рыбака, удел которого трудиться, работая веслом, и наследником старинного рода? Иди, самонадеянный человек, и помни свое место и различие между нашими детьми, установленное самим Богом.

– Мои дети никогда не огорчали меня при жизни, – с укоризной, хотя и мягко проговорил Антонио.

Слова рыбака кольнули синьора Градениго в самое сердце, и это, конечно, не смягчило его по отношению к молочному брату. Впрочем, пройдясь в волнении несколько раз по комнате, сенатор овладел собой и сумел ответить спокойно, как и приличествовало его сану.

– Антонио, – сказал он, – твой нрав и смелость давно мне знакомы. Если бы ты просил молитвы за умерших или денег для живых, я бы помог тебе; но, прося моего заступничества перед командиром галерного флота, ты просишь то, что в такой серьезный для республики момент не может быть разрешено даже сыну дожа, если бы дож был...

– ...рыбаком, – подсказал Антонио, видя, что сенатор колеблется, подыскивая слово. – Прощайте, синьор! Я не хочу расставаться с моим молочным братом недружелюбно, и потому да благословит Бог вас и ваш дом. И пусть никогда не доведется вам, как мне, потерять ребенка, которому грозит участь, гораздо страшнее смерти – гибель от порока.

С этими словами Антонио поклонился и ушел тем же путем, как и пришел. Сенатор не видел его ухода, ибо опустил глаза, втайне понимая всю силу слов рыбака, сказанных им по простоте своей, и прошло некоторое время, прежде чем синьор Градениго обнаружил, что остался один. Впрочем, почти сразу же его внимание привлекли звуки других шагов. Дверь вновь отворилась, и на пороге появился слуга. Он доложил, что какой-то человек просит принять его.

– Пусть войдет, – сказал сенатор, и лицо его приняло обычное настороженное и недоверчивое выражение.

Слуга удалился, и человек в маске и плаще быстро вошел в комнату. Он сбросил плащ на руку, снял маску, и сенатор увидел перед собой наводящего на всех ужас Якопо.

Глава VI

Сам Цезарь вел сражение. От врага

Такого натиска не ждали мы.

Шекспир. «Антоний и Клеопатра»

– Заметил ли ты человека, который только что вышел отсюда? – с живостью спросил синьор Градениго.

– Да.

– И ты сможешь узнать его по лицу и фигуре?

– Это был рыбак с лагун по имени Антонио.

Сенатор бросил на браво удивленный взгляд, в котором было и восхищение. Затем он опять зашагал из конца в конец комнаты, а его гость в это время стоял в непринужденной, полной достоинства позе, ожидая, когда сенатор соизволит

к нему обратиться. Так прошло несколько минут.

– У тебя пронизывающий взгляд, Якопо! – сказал патриций, прерывая молчание. – Имел ли ты когда-нибудь дело с этим человеком?

– Нет, никогда.

– И ты можешь поручиться, что это был...

– ...молочный брат вашей светлости.

– Меня не интересует твоя осведомленность о его детстве и происхождении, я спрашиваю о теперешнем его положении, – ответил сенатор Градениго, отвернувшись от всевидящего Якопо. – Может быть, кто-либо из высшей знати говорил тебе о нем?

– Нет... мне не дают поручений, касающихся рыбаков.

– Долг может привести нас не только к рыбакам, молодой человек. Тот, кто несет на себе бремя государственных дел, не должен о нем рассуждать. А что ты знаешь об Антонио?

– Его очень уважают рыбаки, он искусен в своем деле и давно познал тайну лагун.

– Ты хочешь сказать, что он обманывает таможенников?

– Нет, я не это хотел сказать. Он с утра до вечера трудится, и ему некогда этим заниматься.

– Знаешь ли ты, Якопо, как суровы наши законы в делах, касающихся казны республики?

– Я знаю, синьор, что приговор Святого Марка никогда не бывает мягким, если затронуты его собственные интересы.

– Я не просил тебя высказывать свое мнение по этому вопросу. Человек этот имеет привычку рассуждать на людях о таких делах, о которых судить могут только патриции.

– Синьор, он стар, а язык развязывается с годами.

– Болтливость не в его характере. Природа наградила его хорошими качествами; если бы его происхождение и воспитание соответствовали его уму, я думаю, сенат с удовольствием выслушал бы его суждения, а теперь – боюсь, что все эти его разговоры могут ему повредить.

– Разумеется, если его слова оскорбительны для ушей Святого Марка.

Сенатор бросил быстрый подозрительный взгляд на браво, словно стараясь понять подлинный смысл его слов, но лицо Якопо оставалось по-прежнему спокойным и непроницаемым, и сенатор продолжал как ни в чем не бывало:

– Если ты находишь, что он оскорбляет республику своими словами, значит, годы не сделали его благоразумнее. Я люблю этого человека, Якопо, и мое к нему пристрастие вполне понятно – ведь мы с ним были вскормлены одной грудью.

– Вы правы, синьор.

– А раз я чувствую слабость по отношению к нему, мне хотелось бы, чтобы его убедили быть поосторожнее. Ты, конечно, знаешь его рассуждения насчет того, что государству пришлось призвать на флотскую службу всех юношей с лагун?

– Я знаю, что у него отняли внука, вместе с которым он трудился.

– Да, чтобы тот с честью, а может быть, и с выгодой для себя служил республике.

– Возможно, синьор.

– Ты что-то неразговорчив сегодня, Якопо! Но, если ты знаешь этого рыбака, посоветуй ему быть благоразумнее. Святой Марк не потерпит таких вольных суждений о своей мудрости. Это уже третий случай, когда приходится пресекать

болтовню старика. Сенат заботится о народе, как родной отец, и не может допустить, чтобы в самом сердце того класса, который он хотел бы видеть счастливым, зародилось недовольство. При случае внуши ему эту полезную истину, потому что мне очень не хочется узнать, что сына моей старой кормилицы постигло несчастье, да еще на склоне его лет.

Браво поклонился в знак согласия, а сенатор между тем снова зашагал по комнате, всем своим видом показывая, что он действительно очень обеспокоен.

– Слышал ли ты решение по делу генуэзца? – спросил синьор Градениго после минутного молчания. – Приговор трибунала был вынесен без всякого промедления, и, хотя кое-кто полагает, что между двумя нашими республиками существует вражда, мир может теперь убедиться в справедливости нашего правосудия. Я слышал, что генуэзец получит большую компенсацию, а значит, придется изъять много денег у наших граждан.

– Я тоже слышал об этом сегодня вечером, синьор, на Пьяцетте.

– А говорят ли люди о нашем беспристрастии и особенно о быстроте нашего решения? Подумай, Якопо, не прошло и недели с тех пор, как дело было представлено на справедливый суд сената!

– Да, республика быстро карает непокорных, этого никто не оспаривает.

– И при этом, надеюсь, справедливо, добрый Якопо? Государственная машина действует у нас так плавно и гармонично, что это невольно вызывает восхищение. Правосудие служит обществу и сдерживает страсти так мудро и незаметно, как если бы его решения посылались нам Всевышним. Я часто сравниваю уверенную и спокойную поступь нашего государства с суетой, которая характерна для других итальянских сестер нашей республики; это все равно, что сравнить тишину и покой наших каналов с гулом и сутолокой шумного города... Так, значит, на площадях сегодня много говорят о справедливости нашего последнего постановления?

– Венецианцы, синьор, становятся бесстрашными, когда есть возможность похвалить своих хозяев.

– Ты действительно так думаешь, Якопо? А мне всегда казалось, что они более склонны изливать свои бунтарские настроения. Впрочем, в натуре человека быть скупым на похвалу и щедрым на осуждение. Это решение трибунала не должно пройти незамеченным. Было бы хорошо, если бы наши друзья в открытую и громко говорили о нем и в кафе, и на Лидо. Даже если они будут говорить слишком много, им бояться нечего: справедливое правительство не осуждает разговоры о его действиях.

– Это правильно, синьор.

– Я надеюсь, ты и твои друзья позаботятся о том, чтобы народ не скоро забыл это решение. Размышление над подобными действиями правительства может вызвать к жизни семена добродетели, которые дремлют в народе. Если перед глазами людей все время будет пример справедливости, то они в конце концов полюбят это качество. Я надеюсь, генуэзец покинет нас удовлетворенный?

– Несомненно, синьор. Он получил все, что может утешить страдальца: с избытком вернул свое и наказал обидчика.

– Да, таково решение сената: полное возмещение убытков с одной стороны и карающая рука – с другой. Немногие государства могли бы вынести приговор против самих себя, Якопо!

– А разве государство в ответе за дела какого-то купца, синьор?

– За дела своего гражданина – конечно. Тот, кто наказывает своих, разумеется, страдает; никто не может расстаться со своей плотью без боли, не правда ли?

– Нервы очень чувствительны – больно, например, потерять глаз или зуб, но, когда мы стрижем ногти или бреем бороду, мы не ощущаем никакой боли.

– Тот, кто тебя не знает, Якопо, мог бы подумать, что ты сторонник монархии. Гибель даже маленького воробышка в Венеции отзывается болью в сердце сената... Ну, хватит об этом. А что, среди ювелиров и ростовщиков еще ходят слухи об уменьшении золота в обращении? Золотых цехинов теперь меньше, чем прежде, и хитрецы используют этот недостаток в расчете на большие прибыли.

– В последнее время я видел на Риальто людей, чьи кошельки, очевидно, пусты. И если христиане выглядят встревоженными, то нехристи расхаживают в своих балахонах веселее прежнего.

– Этого и следовало ожидать. Не удалось ли тебе установить имена ростовщиков, которые ссужают деньги под особенно большие проценты нашим молодым людям?

– Можно назвать любого ростовщика, когда дело касается кошелька христианина.

– Ты их не любишь, Якопо, но ведь они приносят пользу, когда республика в затруднительном положении. Мы считаем своими друзьями всех, кто в случае нужды готов нам помочь деньгами. Но, конечно, нельзя допускать, чтобы наша молодежь, надежда Венеции, проматывала свое состояние в сомнительных сделках с ростовщиками. И, если тебе доведется услышать, что кто-либо из знатных молодых людей завяз уж очень глубоко, ты поступишь мудро, если сразу же сообщишь об этом хранителям общественного блага. Мы должны учтиво обходиться с теми, кто является опорой государства, но мы не должны забывать и о тех, кто составляет его основу. Что ты можешь сказать мне об этом?

– Я слышал от людей, что синьор Джакомо платит им больше процентов, чем кто-либо другой.

– Дева Мария! Мой сын и наследник! Ты, может быть, обманываешь меня, чтобы утолить свою ненависть к иудеям?

– У меня нет к ним ненависти, синьор, – всего лишь естественное для христианина недоверие. Надеюсь, это вполне позволительно для верующего, а вообще-то я ни к кому не питаю ненависти. Всем известно, что ваш наследник проматывает свое будущее наследство и не задумываясь платит любые проценты.

– Это дело серьезное! Мальчику нужно как можно скорее разъяснить все последствия его поведения и позаботиться, чтобы в будущем он вел себя благоразумнее. Ростовщик будет наказан, и в качестве предупреждения всему их сословию долг будет конфискован в пользу должника. Когда у них перед

глазами будет такой пример, разбойники поостерегутся раздавать свои цехины под проценты. О святой Теодор! Да это просто самоубийство – видеть, как такой многообещающий юноша гибнет на глазах из-за того, что о нем некому позаботиться! Я сам займусь этим, и сенат не сможет упрекнуть меня в том, что я не соблюдал его интересов... А кто-нибудь искал за последнее время твоих услуг как мстителя за обиды?

– Ничего особенного не было... Правда, есть один, который очень хочет поручить мне что-то, но я еще не знаю толком, что ему нужно.

– Дело твое очень щепетильное и требует большого доверия, но ведь ты знаешь – ты будешь щедро вознагражден.

Глаза Якопо сверкнули таким огнем, что сенатор умолк. Но, выждав, когда бледное лицо браво снова приняло свое обычное выражение, синьор Градениго продолжал как ни в чем не бывало:

– Я повторяю, правительство наше щедро и милосердно. И если правосудие его сурово, то прощение искренне, а милости безграничны. Я приложил много усилий, чтобы убедить тебя в этом, Якопо. Но подумать только! Один из отпрысков старинного рода, опора государства, и вдруг растрчивает свое состояние на пользу нехристей! Да, но ты еще не назвал того, кто так усердно ищет твоих услуг!

– Я еще не знаю, что ему нужно, синьор, а мне следовало бы самому хорошенько разобраться в его намерениях, прежде чем договариваться с ним.

– Твоя скрытность неуместна. Ты должен доверять служителям республики, и меня бы очень опечалило, если бы у инквизиции сложилось неблагоприятное мнение относительно твоего усердия. Об этом человеку нужно донести.

– Я не стану доносить на него. Скажу лишь, что он желает тайно связаться с тем, с кем почти преступно иметь какие-либо отношения. Большого я сказать не могу.

– Предупредить преступление лучше, чем наказывать за него, и такова истинная цель нашей политики. Ну, так как же, ты не станешь скрывать от меня его имя?

– Это знатный неаполитанец, давно живущий в Венеции из-за дела о наследстве...

– Ха! Дон Камилло Монфорте! Я угадал?

– Он самый, синьор.

Последовало молчание, которое было нарушено только боем часов на Пьяцце, пробивших одиннадцать, или, как было принято называть это время в Италии, четвертый час ночи. Сенатор вздрогнул, взглянул на часы, стоявшие в комнате, и снова обратился к своему собеседнику.

– Хорошо, – сказал он. – Твоя верность и точность не будут забыты. Итак, следи за рыбаком Антонио: нельзя допускать, чтобы ворчание старика пробуждало недовольство среди людей, – подумаешь, какая важность: пересадили его потомка с гондолы на галеру! Но главное, слушай хорошенько все, что говорят на Риальто. Славное и уважаемое имя патриция не должно быть запятнано юношескими заблуждениями. А что касается этого иноземца... Скорей надень твою маску и плащ и уходи, словно ты всего лишь один из моих друзей и готов отдаться беззаботному веселью.

Браво проворно надел плащ и маску, как человек, давно привыкший к такого рода предосторожности, но проделал он это с самообладанием, каким вовсе не отличался сенатор. Синьор Градениго не сказал больше ни слова и только нетерпеливым жестом торопил Якопо.

Когда дверь за браво закрылась и сенатор снова остался один, он опять взглянул на часы, медленно провел рукой по лбу и в задумчивости зашагал по комнате. Около часу продолжалось это непрерывное хождение. Затем раздался легкий стук в дверь, и после обычного приглашения вошел человек, так же тщательно замаскированный, как и тот, что недавно удалился отсюда: в том городе и в те времена, о которых мы пишем, это было обычным явлением. Казалось, сенатору было достаточно одного взгляда на гостя, чтобы определить, кто он, ибо прием был ему оказан по всем правилам приличия и свидетельствовал о том, что его ожидали.

– Считаю за честь видеть у себя дона Камилло Монфорте, – сказал хозяин дома, в то время как гость снимал плащ и шелковую маску, – хотя поздний час уже

вызывал у меня опасения, что непредвиденный случай лишил меня этого удовольствия.

– Тысячу раз прошу у вас прощения, благородный сенатор, но вечерняя свежесть на каналах и веселье на площадях, а к тому же нежелание нарушить ваш покой раньше времени, боюсь, несколько задержали меня. Но я надеюсь на всем известную доброту синьора Градениго и на его прощение.

– Точность не входит в число добродетелей вельмож Нижней Италии, – сухо заметил синьор Градениго. – Молодым жизнь кажется бесконечной, и они не дорожат бегущими минутами, а те, над кем уже нависла старость, думают только о том, чтобы исправить ошибки юности. Таким образом, синьор герцог, человек каждый день грешит и кается до той поры, пока к нему незаметно не подкрадется старость. Однако не будем зря тратить драгоценное время. Итак, можем ли мы надеяться, что испанец изменит свое мнение?

– Я сделал все возможное, чтобы пробудить благоразумие этого человека, и в частности объяснил ему, как выгодно для него снискать уважение сената.

– Вы поступили мудро, синьор, действуя как в его интересах, так и в ваших собственных. Сенат щедро платит тем, кто хорошо ему служит, и беспощадно карает своих врагов. Надеюсь, ваше дело о наследстве подходит к концу?

– Я бы очень хотел ответить на ваш вопрос утвердительно. Я неустанно тороплю суд, не забывая, конечно, об уважении к суду и о ходатайствах. В Падуе нет более ученого доктора, чем тот, кто представляет мои интересы, и все же дело мое так же безнадежно, как судьба чахоточного. Если я не сумел показать себя достойным сыном республики Святого Марка в деле с испанцем, то это скорее из-за неопытности в политических делах, чем из-за недостатка усердия.

– Весы правосудия должны быть тщательно выверены, если чаши их так долго не перевешивают ни в ту, ни в другую сторону. Вам и в дальнейшем необходимо действовать с тем же усердием, дон Камилло, и с большой осторожностью, чтобы постараться расположить патрициев в свою пользу. Было бы хорошо, если бы ваша преданность государству была доказана дальнейшей службой у посланника. Известно, что он ценит вас и потому будет прислушиваться к вашим советам, тем более что человек он молодой, великодушный и благородный и сознание того, что он служит не только своей стране, но и всему человечеству,

благотворно на него повлияет.

Дон Камилло, казалось, был не вполне согласен с последним доводом сенатора; тем не менее он вежливо поклонился, как бы признавая правоту хозяина дома.

– Приятно слышать такие речи, синьор, – ответил он. – Мой соотечественник всегда прислушивается к разумным советам, от кого бы они ни исходили. Хотя он в ответ на мои доводы частенько напоминает мне об упадке мощи республики Святого Марка, однако его глубокое уважение к государству, которое давно стяжало славу энергией и могуществом, ничуть не уменьшилось.

– Да, Венеция уже не та, какой она когда-то была, синьор герцог, но все же она еще очень сильна. Крылья нашего льва немного подрезаны, но он все еще не научился прыгать далеко и зубы его опасны. И, если новоиспеченный принц хочет, чтобы корона спокойно сидела у него на голове, ему бы не мешало сделать попытку добиться признания своих ближайших соседей.

– Это совершенно верно, и я приложу все силы, чтобы желаемая цель осуществилась. А теперь могу ли я просить вашего дружеского совета, как бы мне ускорить рассмотрение моего дела, которое сенат так долго не может решить?

– Вы поступите правильно, дон Камилло, если будете напоминать сенаторам о себе с учтивостью, подобающей их положению и вашему званию.

– Это я всегда делаю в пределах, подобающих моему положению и цели, которой я добиваюсь.

– Не следует забывать и о судьях, молодой человек, потому что мудро поступает тот, кто помнит, что правосудие всегда прислушивается к просьбам.

– Я не знаю никого, кто бы так прилежно выполнял этот свой долг, как я, и редко можно видеть, чтобы проситель был так внимателен к тем, кого он беспокоит своими просьбами, и так полновесно доказывал им свое уважение.

– Главным образом вам следовало бы добиться уважения сената. Ни одна услуга государству не проходит незамеченной, и даже малейшее доброе дело

становится известным Тайному совету.

– О, если бы я мог встретиться с этими почтенными отцами! Я уверен, что тогда мое справедливое требование было бы очень скоро удовлетворено.

– Это невозможно! – печально сказал сенатор. – Имена этих августейших особ содержатся в тайне, чтобы их величие не было запятнано низменными интересами. Они правят так же невидимо, как мозг управляет мышцами; они, так сказать, душа государства, и, как всякую душу, их невозможно увидеть.

– Я выразил свое желание скорее как мечту, без всякой надежды на его исполнение, – ответил герцог святой Агаты, надевая плащ и маску, которые он, войдя, снял и положил под рукой. – Прощайте, благородный синьор. Я не перестану убеждать кастильца советами, а в награду за это я буду надеяться на справедливость патрициев и ваше доброе ко мне отношение.

Синьор Градениго с поклонами проводил гостя через анфиладу комнат до самой прихожей и там отдал его на попечение слуги.

«Необходимо заставить его действовать более энергично, а для этого нужно всячески ставить ему палки в колеса. Тот, кто хочет добиться милостей республики, должен прежде заслужить их, проявив усердие и преданность», – так размышлял синьор Градениго, медленно возвращаясь в свой кабинет после того, как церемонно проводил гостя.

Закрыв за собой дверь, он снова начал шагать по маленькой комнате с видом человека, погруженного в тревожные размышления. С минуту в кабинете царила глубокая тишина, но вот осторожно отворилась дверь, скрытая портьерами, и в комнату заглянул новый посетитель.

– Входи, – сказал сенатор, не выказывая удивления, – твое обычное время уже прошло, я жду тебя.

Развевающееся платье, почтенная седая борода, благородные черты лица, быстрый, жадный и подозрительный взгляд и то особое выражение лица, которое, казалось, в равной степени отражало практический ум и подострастие человека, привыкшего к грубости и презрению людей, – все обличало в этом человеке ростовщика с Риальто.

– Входи, Осия, и излей свою душу, – продолжал сенатор, видимо давно привыкший выслушивать сообщения старика. – Слышал что-нибудь новое насчет благополучия народа?

– Благословен народ, о коем так по-отечески заботятся! Может ли быть причинено добро или зло гражданину республики, благородный синьор, без участия или сострадания сената, который подобен отцу, заботящемуся о своих детях! Счастлива страна, где люди почтенного возраста, убеленные сединой, бодрствуют до той поры, когда ночь уступает место дню и забывают усталость в своем стремлении делать добро и почитать государство!

– Ты выражаешься с восточной цветистостью твоей страны, добрый Осия, и, вероятно, забываешь, что находишься не на пороге храма... Ну а что интересного случилось за минувший день?

– Скажите лучше – за ночь, синьор, потому что все то небольшое, что заслуживает вашего внимания, случилось с наступлением ночи.

– Уж не убийство ли кинжалом на мосту? Ха! Или люди в этот раз веселились меньше, чем обычно?

– Никто не умер насильственной смертью, и площадь брызжет соком веселья, как благоухающие виноградники Энгеди. Святой Авраам! Что может сравниться по веселью с Венецией! Как упиваются этим весельем сердца старых и молодых! Кажется, достаточно установить купель в синагоге, чтобы стать свидетелем радостного отречения от своей веры ради народа этих островов! Я не надеялся иметь честь увидеть вас сегодня, синьор, и я уже закончил свою вечернюю молитву, собираясь лечь спать, когда посыльный от Совета принес мне драгоценное кольцо с приказом расшифровать герб и другие эмблемы, дабы узнать его владельца. Такие кольца обычно посылают в подтверждение личности его хозяина.

– Кольцо с тобой? – спросил сенатор, протягивая руку.

– Вот оно. Прекрасный камень, драгоценная бирюза...

– Где нашли это кольцо? И почему его прислали тебе?

– Его нашли, синьор, насколько я мог понять больше из намеков, чем из слов посылного, в одном месте, вроде того, откуда спасся благодаря своему благочестию праведный Даниил.

– Ты имеешь в виду Львиную пасть?

– Так говорят об этом пророке наши древние книги, синьор, и на это намекал посланец Совета, вручая мне кольцо.

– Здесь нет ничего, кроме шлема с гребнем, какие носят наездники... Оно принадлежит кому-нибудь из венецианцев?

– Да поможет мудрый Соломон своему слуге разобраться в таком тонком деле! Камень этот редкой красоты, мало кто владеет такими, кроме тех, у кого полно золота. Посмотрите только на его мягкий блеск, благородный синьор, и заметьте, как переливаются краски!

– О... прекрасно! Но чей же это девиз?

– Уму непостижимо, какое огромное богатство может содержать в себе такое маленькое колечко! Мне приходилось видеть, как за менее драгоценные безделушки платили огромные суммы полновесными цехинами.

– Неужели ты не можешь забыть свою лавчонку и гуляк на Риальто? Я приказываю тебе назвать имя того, кому принадлежит этот герб как доказательство его рода и звания!

– Благородный синьор, я повинуюсь. Герб принадлежит роду Монфорте, последний сенатор из которого умер около пятнадцати лет назад.

– А его драгоценности?

– Они перешли вместе с другим движимым имуществом во владение его родственника и преемника – если, конечно, сенату будет угодно, чтобы у этого стариннейшего рода был преемник, – к дону Камилло, герцогу святой Агаты. Богатый неаполитанец сейчас добивается восстановления своих прав в Венеции, и он теперь владеет этим великолепным камнем.

– Дай мне кольцо. Этим делом нужно заняться... Что еще ты хочешь мне сказать?

– Ровно ничего, синьор, кроме просьбы: если кольцо будет конфисковано и пойдет в продажу, можно ли надеяться, что сначала его предложат старому слуге республики, у которого есть много причин сожалеть о том, что дела его идут хуже в старости, чем в юные годы?

– Тебя не забудут. Я слышал, Осия, что некоторые молодые люди благородных фамилий частенько посещают ростовщиков и занимают золото, а потом, промотав его, горько расплачиваются за свои ошибки. В такое положение не пристало попадать наследникам благородных фамилий. Не забудь моих слов, потому что, если недовольство Совета падет на кого-либо из твоего племени, это может вылиться в большую неприятность для всех вас. Не попадались ли тебе за последнее время другие драгоценности, кроме этого кольца неаполитанца?

– Ничего интересного, кроме того, что обычно оставляют в залог, благороднейший синьор.

– Посмотри на это, – продолжал синьор Градениго и, порывшись в потайном ящике, вынул оттуда клочок бумаги, к которому был прилеплен кусочек воска. – Не можешь ли ты догадаться по оттиску, кому принадлежит печать?

Ювелир взял бумагу и поднес ее к свету; его горящие глаза тщательно изучали оттиск.

– Это выше мудрости сына Давида! – сказал он после долгого и, очевидно, бесплодного осмотра. – Здесь не что иное, как причудливая эмблема галантности, какие любят употреблять легкомысленные кавалеры Венеции, когда хотят обольстить слабый пол прекрасными словами и соблазнительными приманками.

– Это сердце, пронзенное стрелой амура, и девиз: «Думай о сердце, пронзенном любовью».

– И ничего больше, если мои глаза еще служат мне. Я не склонен думать, синьор, что за этими словами скрывается какой-либо иной тайный смысл!

– Может быть. Тебе не приходилось продавать драгоценности с этой эмблемой?

– Праведный Самуил! Мы сбываем их ежедневно, продаем христианам обоих полов и всех возрастов. Я не знаю эмблемы более распространенной, и выходит, что этот пустяк хорошо служит своей цели.

– Тот, кто воспользовался им, поступил достаточно хитро, скрыв свои тайные мысли под такой обычной маской! Я бы дал сто цехинов в награду тому, кто сумел бы выследить владельца этой печати.

Осия уже хотел было вернуть оттиск и сказать, что он не в силах определить владельца печати, но, услышав последние слова синьора Градениго, сразу изменил свое намерение. Через мгновение глаза его вооружились увеличительными стеклами, равными по силе микроскопу, и бумага с оттиском снова была поднесена к лампе.

– Я продал не очень ценный сердолик с такой эмблемой жене императорского посла, но, думая, что в этой покупке нет ничего, кроме женской прихоти, я не пометил камень. Один господин торговал у меня аметист с такой же надписью, но и этот я тоже не пометил... Ха! А ведь здесь, на оттиске, осталась отметинка, которая, очевидно, была сделана моей рукой!..

– Неужели ты нашел приметку? О какой пометке ты говоришь?

– Ни о чем более, благородный сенатор, как о пятнышке на букве, которое не привлекло бы внимания легковой дамы.

– И кому же ты продал эту печать?

Осия колебался, боясь испортить дело и потерять обещанную награду, назвав имя владельца печати слишком быстро.

– Если это так важно, синьор, – сказал он наконец, – то мне придется заглянуть в свои книги. В таком серьезном деле сенат не должен быть введен в заблуждение.

– Ты прав! Дело действительно серьезное, и награда – доказательство того, как высоко мы ценим эту услугу.

– Вы что-то говорили, благороднейший синьор, о ста цехинах, но, когда дело касается блага Венеции, такие пустяки меня не интересуют.

– Сто цехинов – это обещанная мною сумма.

– Я продал кольцо с печатью, на которой был тот же девиз, женщине, служащей у самого высокого лица из свиты папского нунция[14 - Папский нунций – дипломатический представитель Римского Папы в ранге посла.]. Но эта печать не может быть оттуда, так как женщина ее положения...

– Ты уверен? – с живостью перебил его синьор Градениго.

Осия внимательно посмотрел на своего собеседника и, поняв по выражению его лица, что такой оборот дела вполне подходит, поспешно ответил:

– Так же верно, как то, что я живу по закону Моисееву! Безделушка долго валялась у меня, и я отдал ее за ничтожную цену.

– Ну что ж, цехины твои! Эта тайна разгадана до конца. Иди, ты получишь свою награду и, если найдешь какие-нибудь подробности в своих секретных книгах, без промедления сообщи об этом мне. Ну, ступай, добрый Осия, и будь внимателен, как всегда. Я устал от постоянных размышлений.

Ювелир, в восторге от своих успехов, удалился с хитрым и алчным видом через ту же дверь, в которую вошел.

Теперь как будто приемы этого вечера были окончены. Синьор Градениго тщательно осмотрел замки на нескольких потайных ящиках своего шкафа, потушил лампы, вышел и запер все двери. Некоторое время, однако, он еще шагал из угла в угол в одной из главных приемных комнат своего дома, пока не наступил привычный час отдыха, и дворец заперли на ночь.

Читатель, вероятно, уже составил себе некоторое представление о характере человека, который играл главную роль в описанных сценах. Синьор Градениго

родился с теми же зачатками доброты и чуткости, как и все другие люди, но случай и воспитание, полученное в этой пропитанной ложью республике, превратили его в человека изворотливого и хитрого. Венеция казалась ему свободным государством, поскольку он сам широко пользовался преимуществами ее общественного строя; и, хотя он был дальновиден и практичен в повседневной жизни, во всем, что касалось политической жизни страны, проявлял редкостную тупость и беспринципность. Он красноречиво разглагольствовал о честности и добродетели, о религии и правах личности, но, когда приходило время действовать, все эти понятия сводились у него к личным интересам так же неизменно, как неизменна сила земного притяжения. Как венецианец, он был одинаково против господства одного человека или господства большинства; в отношении первого он был яростным республиканцем, а в отношении последнего был приверженцем того софизма, который провозглашает, что господство большинства – принцип многих тиранов. Короче говоря, он был аристократом; и ни один человек не убеждал себя более старательно и успешно в незыблемости всех догм, которые были благоприятны его касте, чем это делал синьор Градениго. Он был могущественным поборником законных прав, ибо это было выгодно ему самому; он живо интересовался новшествами в обычаях и превратностями в историях старинных семейств, так как предпочитал действовать согласно не принципам, а своим склонностям. И он всегда умел защищать свои взгляды, приводя аналогии из Библии. Он утверждал, что раз сам Бог учредил такой порядок в мироздании, что ангелы на небе превратились в людей на земле, то можно без опаски следовать этой беспредельной мудрости, и такая философия, видимо, удовлетворяла его. Основы его теории были непоколебимы, хотя применение ее было огромной ошибкой, ибо невозможно представить себе, что какое-либо подобие природы может пытаться вытеснить самое природу.

Глава VII

Луна зашла. Не видно ничего.

Лишь слабая лампада

Мадонну освещает.

Роджерс. «Италия»

К тому времени, когда окончились тайные аудиенции во дворце Градениго, веселье на площади Святого Марка начало заметно спадать. В кафе оставались лишь группы людей, для которых мимолетные шутки и беззаботный смех на площади не составляли веселья; у них было достаточно денег, чтобы веселиться иначе. А те, кому пришлось вернуться к заботам о завтрашнем дне, толпами направились к своим бедным жилищам и жестким подушкам. Однако один из этих бедняков не ушел; он стоял там, где сходились две площади, так неподвижно, словно его босые ноги приросли к камню. Это был Антонио.

Луна освещала мускулистую фигуру и загорелое лицо рыбака. Темные глаза его тревожно и сурово глядели на озаренный луной небосвод, словно рыбак стремился проникнуть взглядом в другой мир в поисках спокойствия, которого не знал на земле. На его обветренном лице застыло страдание, но это было страдание человека, чьи чувства уже притупились, ибо он привык к доле низшего и слабого. Тому, кто считает жизнь и людей лучше, чем они есть на самом деле, он показался бы трогательным примером благородной природы, страдающей гордо и привыкшей страдать; и в то же время тому, кто принимает преходящие общественные порядки как законы, данные свыше, он бы представился натурой упрямой, недовольной и непокорной, справедливо подавленной властной рукой.

Из груди старика вырвался глубокий вздох. Он пригладил поредевшие от времени волосы, поднял с мостовой свою шапку и собрался уходить.

– Поздненько ты сегодня не ложишься спать, Антонио, – сказал вдруг кто-то совсем рядом. – Должно быть, ты по хорошей цене продал свою рыбу или ее было очень много? Иначе человек твоего ремесла не может позволить себе в этот час прохлаждаться на площади! Ты слышал? Часы проббили пятый час ночи.

Рыбак повернул голову и безучастно взглянул на человека в маске, не выражая ни любопытства, ни волнения.

– Ну, раз ты меня знаешь, – ответил он, – значит, ты знаешь и то, что, покинув площадь, я приду в опустевший дом. Если ты меня хорошо знаешь, ты должен так же хорошо знать и мои несчастья.

– Кто же обидел тебя, достойный рыбак, что ты осмеливаешься так храбро говорить о своих несчастьях под самыми окнами дожа?

– Республика.

– Святому Марку так отвечать безрассудно. Если бы ты сказал это погромче, мог бы зарычать вон тот лев. Но в чем же ты обвиняешь республику?

– Проводи меня к тем, кто послал тебя, и я все скажу прямо им, без посредников. Я готов рассказать о своих горестях самому дожу, сидящему на троне, потому что мне, старику, уже не страшен его гнев.

– Ты думаешь, меня послали к тебе как доносчика?

– Тебе лучше знать свое поручение.

Человек снял маску и повернул голову так, что луна осветила его лицо.

– Якопо! – воскликнул рыбак, вглядываясь в выразительное лицо браво. – Человек твоего ремесла не может иметь поручения ко мне.

Даже при лунном свете было заметно, как краска залила лицо браво; но больше он ничем не выдал своих чувств.

– Ты ошибаешься. У меня есть к тебе дело.

– Разве сенат считает, что рыбак из лагун достаточно важная персона, чтобы удостоиться удара кинжалом? Тогда выполняй свою работу! – сказал Антонио, взглянув на свою обнаженную загорелую грудь. – Ничто не помешает тебе!

– Ты несправедлив ко мне, Антонио. У сената нет такого намерения. Но я слышал, что у тебя есть причины для недовольства и что ты не боишься открыто говорить и на островах, и на Лидо о таких делах, которые патриции предпочитают скрывать от бедняков. Я пришел как друг, и вовсе не для того, чтобы вредить тебе, а чтобы предостеречь тебя от последствий таких неразумных поступков.

– Тебя послали сказать мне об этом?

– Старик, годы должны были бы научить тебя придерживать язык. Какая тебе польза от напрасных жалоб на республику и что, кроме зла, могут эти жалобы принести тебе самому и ребенку, которого ты так любишь?

– Я не знаю... но, когда болит сердце, язык не может молчать. Они отняли у меня моего мальчика, и у меня не осталось ничего дорогого в жизни. И мне не страшны их угрозы, потому что жить мне все равно осталось недолго.

– Ты должен усмирить свое горе разумом! Синьор Градениго давно уже дружески относится к тебе – я слышал, твоя мать была его кормилицей. Попытайся же упросить его, вместо того чтобы злить республику жалобами.

Антонио задумчиво смотрел на своего собеседника, но, когда тот умолк, он печально покачал головой, словно выражая этим, что от сенатора помощи ждать нечего.

– Я сказал ему все, что только может сказать человек, рожденный и вскормленный на лагунах. Он сенатор, Якопо, и не понимает страданий, каких не испытывает сам.

– Ты не прав, старик, и не должен обвинять в черствости человека, рожденного в богатстве, только за то, что он не испытал бедности, от которой ты и сам бы отказался, будь это в твоих силах. У тебя есть гондола и сети; с твоим здоровьем и умением ты счастливее, чем он, у которого ничего этого нет... Разве ты забросил бы свое искусство и поделил свой скудный доход с нищим у храма Святого Марка, чтобы оба вы стали одинаково богаты?

– Возможно, ты и прав, говоря о нашем труде и доходах, но что касается наших детей – здесь мы равны. Я не вижу причин, почему сын патриция может разгуливать на свободе, в то время как мой мальчик должен идти на верную гибель. Или сенаторам мало их власти и богатства и им нужно еще лишиться меня внука?

– Но ты ведь знаешь, Антонио, что государству нужны защитники, и, если бы офицеры стали искать храбрых моряков во дворцах, подумай сам, смогли бы они найти там для флота тех, кто принес бы славу Крылатому Льву в трудный час? Твоя старческая рука еще сильна и ноги устойчивы в любую качку на море; вот они и ищут таких, как ты, привыкших с детства к морю.

– Ты мог бы добавить, что моя старческая грудь покрыта рубцами. Тебя еще не было на свете, Якопо, когда я пошел сражаться с нехристями, и кровь моя лилась как вода во славу отечества. Но они забыли об этом, а в храмах на мраморе высечены имена знатных господ, которые вернулись с той же самой войны без единой царапины.

– Все это я слышал от отца, – печально ответил браво изменившимся голосом. – Он тоже пролил кровь, защищая республику, и это тоже забыто.

Рыбак огляделся вокруг и, заметив, что несколько человек неподалеку о чем-то разговаривают между собой, сделал знак своему собеседнику следовать за ним и направился в сторону причалов.

– Твой отец, – сказал он, когда они медленно пошли рядом, – был моим товарищем и другом. Я стар, Якопо, и беден, дни мои прошли в труде на лагунах, а ночами я набирался сил для завтрашних трудов. Но мне горько было услышать, что сын того, кого я очень любил и с кем так часто делил радость и горе в ясный день и в ненастье, выбрал себе такое занятие в жизни, если, конечно, молва не лжет. Золото, которое платят за кровь, никогда не приносит счастья ни тому, кто платит, ни тому, кто его получает.

Браво не проронил ни слова, но рыбак, который в другое время и в другом расположении духа отшатнулся бы от него как от прокаженного, грустно взглянул на своего спутника и увидел, что мускулы его лица вздрагивают, а щеки покрыла бледность, которая при лунном свете делала его похожим на привидение.

– Ты позволил нужде ввергнуть себя в смертный грех, Якопо, но ведь никогда не поздно воззвать к святым за помощью и не касаться больше кинжала. Не очень-то лестно человеку слыть твоим другом в Венеции, но друг твоего отца не отвернется от того, кто раскаивается. Оставь свой кинжал и иди со мной в лагуны. Ты найдешь там труд менее обременительный, чем преступление, и хотя ты никогда не смог бы заменить мне мальчика, которого у меня отняли, – он ведь был невинен как ягненок, – все же ты останешься для меня сыном моего старого друга и человеком с истерзанной душой. Пойдем со мной в лагуны: такого бедняка, как я, уже невозможно презирать более, даже если я стану твоим другом.

– Что же говорят про меня люди, если даже ты такого мнения обо мне? – спросил Якопо глухим, срывающимся голосом.

– Ах, если бы все, что они говорят, оказалось неправдой! Но почти каждое убийство в Венеции связывают с твоим именем.

– Почему же власти допускают, чтобы такой человек мог открыто плавать по каналам или свободно разгуливать по площади Святого Марка?

– Мы никогда не знаем, как поступит сенат. Одни говорят, что твое время еще не пришло, а другие считают, что ты слишком силен, чтобы судить тебя.

– Ты, видно, одинакового мнения и о правосудии, и об инквизиции. Но, если я пойду с тобой сегодня, ты обещаешь мне быть более осторожным в разговорах с рыбаками на Лидо и на островах?

– Когда на сердце лежит тяжесть, язык старается хоть как-то облегчить ее. Я бы сделал все, чтобы заставить сына моего друга свернуть со страшного пути, но забыть о своем горе не могу. Ты привык иметь дело с патрициями, Якопо, скажи мне, может ли человек в одежде рыбака и с потемневшим от солнца лицом прийти к дожу и поговорить с ним?

– С виду справедливости в Венеции хоть отбавляй, все дело в ее сущности. Я уверен, что тебя выслушают.

– Тогда я останусь здесь, на камнях этой площади, и буду ждать того часа, когда дож поедет завтра на торжество, и попытаюсь склонить его сердце к милости. Он стар, как и я, и он пролил кровь за республику, так же как и я, а что самое главное – он тоже отец.

– Но ведь и синьор Градениго тоже отец.

– Ты сомневаешься в его сочувствии?

– Что ж, попытка – не пытка. Дож Венеции выслушает просьбу от самого низшего из ее граждан. Я думаю, – добавил Якопо едва слышно, – он выслушал бы даже меня.

– Хоть я и не смогу выразить свою мольбу так, как положено говорить с великим принцем, но зато он услышит правду от несчастного человека. Они называют его избранником государства, а такой человек должен охотно прислушиваться к справедливым просьбам. Да, Якопо, пусть это жесткая постель, – продолжал рыбак, устраиваясь у подножия колонны святого Теодора, – но ведь я спал и на худшей и более холодной, а причин для этого у меня было меньше... Доброй ночи!

Старик скрестил руки на своей обнаженной груди, овеваемой морским ветром, а браво еще с минуту постоял рядом с ним, но, когда он понял, что Антонио хочет остаться один, он ушел, предоставив рыбака самому себе.

Ночь была уже на исходе, и на площадях осталось мало гуляк. Якопо взглянул на часы и, внимательно оглядев площадь, направился к причалу.

Глубокая тишина царила над всем заливом; у причалов, как обычно, стояли гондолы. Вода слегка потемнела от налетавшего ветерка, который скорее гладил, чем шевелил ее поверхность; ни одного всплеска весла не слышно было среди леса мачт между Пьяцеттой и Джудеккой. Браво мгновение колебался, но вот, окинув взглядом площадь, он снова надел маску, отвязал одну из лодок и вскоре уже скользил прочь от причала, к середине гавани.

– Кто идет? – спросил человек с борта фелукки, которая стояла на якоре несколько поодаль от других судов.

– Тот, кого ждут, – последовал ответ.

– Родриго?

– Он самый.

– Ты опоздал, – сказал моряк из Калабрии, когда Якопо ступил на нижнюю палубу «Прекрасной соррентинки». – Мои люди давно уже спят, а мне за это время три раза успело присниться кораблекрушение и дважды – ужасающий сирокко.

– Значит, у тебя было больше времени, чтобы надувать таможенников. Как фелукка – готова к работе?

– Что касается таможенников, то в этом жадном городе много не заработаешь. Вся прибыль достается сенаторам и их друзьям, а мы на своих судах слишком много работаем и слишком мало за это получаем. С тех пор как начался маскарад, я послал всего дюжину бочонков лакрима-кристи на каналы и больше ничего не продал. Так что тебе хватит, если хочешь выпить.

– Я дал обет трезвости. Итак, твое судно готово выполнить поручение?

– А готов ли сенат заплатить мне за это? Ведь это уже четвертое плавание по его делам, и все сделано как следует – пусть заглянут в свои секретные бумаги и убедятся в этом.

– Они довольны, и тебе хорошо заплатили.

– Не так уж хорошо. Я гораздо больше заработал на одной партии фруктов с островов, чем за все ночные поездки по делам сената. Вот если бы те, кому я служу, дали моей фелукке разрешение на въезд в каналы, тогда бы можно было действительно кое-что заработать.

– Нет ни одного преступления, которое Святой Марк карает так сурово, как контрабанду. Будь осторожен со своим вином, а не то можешь лишиться не только судна и поручений сената, но и свободы!

– Вот это-то меня и возмущает, синьор Родриго! Мы для республики когда мошенники, а когда и нет. Иной раз сенат доброжелателен к нам, как отец к своим детям, а в другой – нам приходится делать свои дела только ночью. Мне очень не нравится такое неровное отношение; как только у меня появляется хоть малейшая надежда на заработок, она тотчас рассыпается в прах от такого хмурого взгляда, какой только святой Януарий мог бы бросить на грешника.

– Запомни, ты находишься не в Средиземном море, а на одном из каналов Венеции. Такой разговор мог бы навлечь на тебя беду, если бы его услышал кто-нибудь другой, менее дружелюбно к тебе настроенный.

– Спасибо за заботу, хотя вид вон того старого дворца – такое же внушительное предупреждение для болтуна, как для пирата виселица на берегу моря. Я встретил старого приятеля на Пьяцетте, когда там уже стали собираться маски, и мы перекинулись несколькими словами на этот счет. Он уверен, что чуть ли не каждый второй человек в Венеции получает деньги за доносы на других. Очень жаль, Родриго, что сенат при всей его кажущейся любви к правосудию позволяет разгуливать на свободе разным мошенникам, один вид которых заставил бы и камни покраснеть от стыда и гнева!

– Я и не знал, что такие люди открыто разгуливают по Венеции. Тайное преступление может некоторое время оставаться нераскрытым, потому что его трудно доказать, но...

– Черт возьми! Мне говорили, что у Совета с грешниками разговор короткий – все признаются в своих злодеяниях. А вот взять этого негодяя Якопо... Что с тобой, дружище? Якорь, на который ты опираешься, не из раскаленного железа.

– Но он и не из пуха: от одного прикосновения к нему могут заболеть все кости, не в обиду будь сказано.

– Да, конечно, он сделан из железа, которое ковал сам Вулкан. Этот Якопо недостоин гулять на свободе в честном городе, а между тем его можно встретить на площади, и расхаживает он там так же спокойно, как любой патриций на Бролио!

– Я его не знаю.

– Если ты незнаком с храбрейшей рукой и надежнейшим клинком Венеции, добрый Родриго, это делает тебе честь. Мы же, в порту, хорошо его знаем и при виде этого человека сразу вспоминаем обо всех своих грехах. Удивительно, что инквизиторы до сих пор не прокляли его на одной из публичных церемоний в назидание более мелким преступникам!

– Разве его преступления так хорошо известны, что с ним можно расправиться без всяких доказательств?

– Задай-ка этот вопрос на улицах! Если в Венеции умирает христианин – а их умирает немало, не говоря уж о тех, кого губит борьба за власть, – то все

уверены, что умер он от руки Якопо. Синьор Родриго, ваши каналы – отличные могилы для внезапно умерших.

– Мне думается, здесь есть противоречие. То ты говоришь о руке Якопо, то о каналах, воды которых покрывают умерших. Право же, люди ошибаются в Якопо. Может быть, его несправедливо оклеветали?

– Я понимаю, что можно оклеветать священника, потому что он, как христианин, должен охранять свое доброе имя ради чести церкви, но что касается браво, то его оклеветать не удалось бы и бывалому адвокату. Не все ли равно, больше или меньше обагрена рука, если на ней кровь человека!

– Ты прав, – с тяжелым вздохом ответил мнимый Родриго. – Осужденному на смерть безразлично, за одно или за несколько преступлений его казнят.

– А знаешь ли ты, друг Родриго, что я рассуждаю так же и это придает мне смелости, когда бывает нужно вывезти отсюда товар, чтобы потом тайно его продать? «Ты фактически в сделке с сенатом, достойный Стефано, – говорю я самому себе, – и потому у тебя нет причин быть особенно разборчивым в качестве товара». У этого Якопо такие глаза и такой грозный вид, что если бы он уселся на престол святого Петра, то люди и там узнали бы его. Но сними маску, синьор Родриго, пусть морской ветер освежит твои щеки. Нечего играть в прятки со старым, испытанным другом.

– Мой долг по отношению к тем, кто послал меня, запрещает мне такую вольность, иначе я с радостью открыл бы тебе мое лицо, Стефано.

– Ты очень осторожен, хитрый синьор, но я поспорил бы с тобой на десять цехинов из тех, что ты должен мне заплатить, что завтра безошибочно узнаю тебя среди тысячи людей в толпе на площади Святого Марка. Так что можешь снять свою маску – говорю тебе, ты знаком мне так же хорошо, как эти латинские реи моей фелукки.

– Тем более мне незачем снимать маску. Несомненно, люди, которые так часто встречаются, узнают друг друга по многим приметам.

– У тебя красивое лицо, синьор, и прятать его совсем ни к чему. Я заметил тебя среди веселившейся толпы, когда ты и не подозревал об этом, и скажу тебе

откровенно, вовсе не думая извлечь из этого какую-либо выгоду для себя, человеку с таким красивым лицом нужно всем его показывать, а не прятать всю жизнь под маской.

– Я же тебе сказал: я делаю то, что мне приказано. А раз ты знаешь меня, смотри не выдай.

– Бог ты мой! Твои тайны в такой же безопасности, как если бы ты исповедался своему духовнику! Я не из тех, кто шатается среди продавцов воды и разбалтывает секреты; но ты искоса взглянул на меня, когда танцевал среди масок на площади, и я тебе подмигнул! Разве я не прав, Родриго?

– А ты умнее, синьор Стефано, чем я думал, хоть твое искусство в управлении фелуккой ни для кого не секрет.

– Есть две вещи, синьор Родриго, которые я ценю в себе, хотя, надеюсь, с надлежащей христианской скромностью. Немногие из моряков, плавающих вдоль этого побережья, могут похвастать большим умением управлять судном в мистраль, сирокко, левантер или зефир; а что касается масок, то я узнаю своего знакомого на карнавале, нарядись он хоть самим Сатаной! По части предсказания шторма или опознания маски, синьор Родриго, я не знаю себе равного среди людей не слишком ученых.

– Это ценные качества для того, кто живет морем и сомнительной торговлей.

– Ко мне на фелукку приходил мой старый друг Джино, гондольер дона Камилло Монфорте, а с ним – женщина в маске. Он довольно ловко отделался от нее, решив, наверно, что оставил ее среди незнакомых людей. Но я сразу узнал ее – это была дочь виноторговца, который уже попробовал мое лакрима-кристи. Она очень рассердилась на Джино за его трюк с ней, но мы все же воспользовались случаем и заключили с ней сделку на оставшиеся бочонки вина, спрятанные у меня под балластом, в то время как Джино обделывал дела своего господина на площади Святого Марка.

– А что за дела у него были, ты не узнал, добрый Стефано?

– Куда там! Гондольер так спешил, что едва успел со мной поздороваться, но вот Аннина...

– Аннина?!

– Она самая. Ты, конечно, знаешь Аннину, дочь старого Томазо, ведь она танцевала в той же компании, где я заметил и тебя! Я бы не говорил о девушке так, если бы не знал, что ты и сам не прочь попробовать вино, которое не проходит через таможню.

– Об этом не беспокойся. Я поклялся тебе, что ни одна тайна такого рода не сорвется с моих губ. Но эта Аннина – девушка очень сообразительная и смелая.

– Между нами говоря, синьор Родриго, не так легко определить, кто здесь в Венеции шпионит для правительства, а кто нет. Иногда мне кажется по твоей привычке вздрагивать и по некоторым интонациям твоего голоса, что и ты не кто иной, как переодетый генерал, командующий галерным флотом.

– И это с твоим-то знанием людей!

– Если бы вера никогда не обманывала, кто бы ее ценил? За тобой, видно, еще никогда так отчаянно не гонялся нехристь, Родриго, а не то бы ты знал, как быстро человек переходит от страха к надежде, от ярости – к смиренной молитве. Помню, однажды, в суматохе и спешке, когда ревел ветер и свистели ядра, а перед глазами были одни тюрбаны нехристей и в голове только мысли о бастинадо, я начал молиться святому Стефано таким голосом, каким кричат на собак, а матросов подгонял жалобным мяуканьем. Черт побери! Нужно испытать такие вещи самому, синьор Родриго, чтобы узнать хотя бы, на что ты способен.

– Ты прав. Но кто такой этот Джино, о котором ты говорил, и как он стал гондольером в Венеции, если он родом из Калабрии?

– Этого я не знаю. Его хозяин – и, можно сказать, мой хозяин, так как я тоже родился в его владениях, – молодой герцог святой Агаты, тот самый, что добивается поддержки сената в своей претензии на богатства и почести последнего из рода Монфорте. Этот процесс тянется так долго, что парень успел стать гондольером, перевозя хозяина из его дворца к тем знатным господам, у которых он ищет поддержки... По крайней мере, так объясняет все это сам Джино.

– Я его знаю. Он одет в цвета своего хозяина. И он не лишен ума?

– Синьор Родриго, вряд ли кто-нибудь из калабрийцев может похвалиться умом. Мы ничем не отличаемся от наших соседей, но исключения всегда бывают. Джино достаточно ловок в своем деле и вообще человек неплохой, но что говорить – мы ведь не ищем в гусятине прелести жареного бекаса. Природа создала человека, однако дворян создают короли. А Джино – всего лишь гондольер.

– И искусный?

– Руки и ноги у него на месте, но, когда речь идет о знании людей или вещей, бедный Джино – только гондольер! У парня прекрасное сердце, и он никогда не замедлит услужить другу. Я его люблю, но что правда, то правда.

– Ну, держи наготове свою фелукку, потому что она в любую минуту может нам понадобиться!

– Тащи свой груз, а уж я сделаю остальное.

– Прощай. Советую тебе воздержаться от других дел, и смотри, чтобы завтрашнее веселье не испортило твоих людей!

– Попутного ветра тебе, синьор Родриго. Все будет в порядке.

Браво вернулся в гондолу, и она скользнула прочь от фелукки с такой легкостью, которая показывала, что рука, управляющая ею, искусно владеет веслом. Якопо помахал рукой Стефано, и вскоре его лодка затерялась среди судов, заполнивших порт.

Еще несколько минут капитан «Прекрасной соррентинки» ходил по палубе, вдыхая прохладный ветерок с Лидо, а затем пошел вниз, спать.

К этому времени темные, бесшумные гондолы, обычно сотнями снующие по водному простору, уже скрылись. Не слышно было больше звуков музыки на каналах, и Венеция, в другое время такая оживленная, теперь, казалось, заснула мертвым сном.

Глава VIII

Рыбак везет семью – жену с ребенком,

Покинув свой зеленый островок.

А рядом – землепашец. Близ него –

Простая деревенская девчушка,

Впервые убежавшая из дома;

Монахини, монахи – на пароме

Столпились все.

Роджерс. «Италия»

Никогда еще массивные купола, великолепные дворцы и сверкающие каналы Венеции не были залиты столь ярким солнцем, как в день, наступивший после этой ночи. Солнце едва показалось над низким берегом Лидо, а на площади Святого Марка уже раздались звуки рогов и труб. Долгим эхом прокатился в ответ пушечный выстрел из дальнего Арсенала. Тысяча быстрых гондол заскользила из каналов во всех направлениях, через порт, Джудекку и различные внешние каналы, а морская дорога от Фузины и близлежащих островов была усеяна в это время бесчисленным множеством лодок, спешащих к городу.

Горожане в праздничных одеждах стали спозаранку выходить на улицы и площади. Мосты запестрели яркими платьями простолюдинок. Еще до полудня все улицы, ведущие к большой площади, опять, как и вчера, заполнили веселые людские потоки, и к тому времени, когда на колокольне древнего собора умолк торжественный праздничный перезвон, на площади Святого Марка снова бурлила пестрая толпа. Но сегодня мало кто надел маски, глаза светились радостью, и люди с удовольствием поглядывали друг на друга открытым и ласковым взглядом. Одним словом, в день своего любимого торжества Венеция и ее народ были веселы и беззаботны. Знамена покоренных наций полоскались на верху триумфальных мачт, на всех колокольнях были вывешены изображения

крылатого льва, и все дворцы были щедро расцвечены шелковыми драпировками, свисающими с балконов и окон.

Над всей этой оживленной и яркой картиной стоял неумолчный гул голосов стотысячной толпы. Иногда, прерывая этот гул, взметались вверх голоса труб и звучал приглушенный хор разных инструментов. Там, у подножия мачт, на которых развевались знамена покоренных Кандии, Крита и Мореи, примостились импровизаторы, которые на самом деле служили секретными агентами Тайного совета, и живо рассказывали простым и ясным языком о былых победах республики, в то время как здесь, среди жадно внимающей толпы, бродячие певцы восхваляли славу и справедливость государства Святого Марка. Каждый удачный намек на те события, которыми гордилась нация, сопровождался возгласами одобрения, и крики «Браво!», громкие и часто повторяемые, были наградой агентам полиции всякий раз, когда они особенно искусно играли на иллюзиях и тщеславии своих слушателей.

Тем временем сотни гондол, богато разукрашенных резьбой и позолотой, начали группироваться в порту, доставляя сюда самых прекрасных и грациозных венецианок. Корабли уже освободили проход, и гондолам открылся широкий путь из гавани у набережной Пьяцетты к дальним отмелям, сдерживающим воды Адриатики. Возле этого водного пути быстро собиралось множество различных по форме и убранству лодок, в которых находились любопытные.

Сутолока все увеличивалась, по мере того как солнце поднималось к зениту. Обширные равнины, Падовано, казалось, отдали все свое население непрерывно растущей веселой людской толпе. Появилось несколько робких и нерешительных масок: это были монахи, которые тоже хотели немного развлечься и тайком урвать несколько приятных минут, внося хоть какое-то разнообразие в свою скучную отшельническую жизнь. Вот появились богатые морские экипажи послов иностранных государств, аккредитованных в Венеции, и наконец раздались звуки фанфар, и под приветственные крики из Арсенального канала выплыл «Буцентавр» и стремительно пошел к своей стоянке у пристани Святого Марка.

Все эти необходимые приготовления заняли несколько часов. Но вот алебардщики и другие стражи, охраняющие главу республики, стали расчищать дорогу в толпе. А затем гармоничные звуки сотен музыкальных инструментов возвестили о выходе дожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Правосудия во дворце, хлеба на площади! (ит.)

2

Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда Песнь IV / Перевод Г. Шенгели.

3

Тунис в то время находился под властью Турции.

4

Сирокко – жаркий, сухой и сильный ветер, дующий с юго-востока и юго-запада преимущественно на Средиземном море, в Сицилии и Италии.

5

Бастинадо – палочные удары по пяткам.

6

Лакрима-кристи – сорт виноградного вина.

7

Мистраль – сильный и холодный северо-западный ветер.

8

Браво (ит.) – наемный убийца.

9

Рогатый чепец – название парадного головного убора правителя Венеции – дожа.

10

Стихотворные эпиграфы даются в переводе Р. Сефа, за исключением особо оговоренных. Переводы эпиграфов из Шекспира даются по Полному собранию сочинений: В 8 т. М.: Искусство, 1957–1960.

11

Тициан Вечеллио (ок. 1487–1576) – великий венецианский живописец эпохи Возрождения.

12

Подеста (ит.) – судья.

13

Здесь игра слов: намек на принятый обычай изображать богиню правосудия с завязанными глазами и с весами в руках.

14

Папский нунций – дипломатический представитель Римского Папы в ранге посла.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kuper_dzheyms-fenimor/bravo-ili-v-venecii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)